

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет социологии
Кафедра теории и истории социологии

**ТЕОРИИ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ
СОЦИОЛОГИИ**

Магистерская диссертация студента
2 курса дневного отделения
Фауль Богдана Владимировича.

Научный руководитель:
к.ф.н., доц. **Асочаков Ю.В.**

Санкт-Петербург
2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ОСНОВАНИЯ ТЕОРИЙ ДИСКУРСА В СОЦИОЛОГИИ.....	9
1.1. ФАКТОРЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТЕОРИЙ ДИСКУРСА В СОЦИОЛОГИИ.....	9
1.2. ТЕОРИЯ ЯЗЫКОВЫХ ИГР В РАБОТАХ Л.ВИТГЕНШТЕЙНА.....	14
1.3. ПОНЯТИЯ В ЕСТЕСТВЕННОМ И НАУЧНОМ ЯЗЫКАХ.....	21
2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА.....	24
2.1. КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ ДИСКУРСА.....	24
2.1.1. Классификация Л.Филлипс и М.В.Йоргенсен.....	25
2.1.2. Классификация Т.Ван-Дека.....	31
2.1.3. Классификация Я.Торфинга.....	33
2.1.4. Общая классификация теорий дискурса.....	34
2.2. МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-АНАЛИЗА В ТРУДАХ Т. ВАН ДЕЙКА.....	35
2.3. ТЕОРИЯ ДИСКУРСА В РАБОТАХ Р. БАРТА.....	39
2.3.1. <i>Методологические основания семиотического подхода Р.Барта.....</i>	<i>39</i>
2.3.2. <i>Типы дискурсов в теории Р.Барта.....</i>	<i>41</i>
2.4. БИРМИНГЕМСКАЯ ШКОЛА ДИСКУРС-АНАЛИЗА.....	42
2.5. ТЕОРИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ В РАБОТАХ Д.ОСТИНА И Д.СЕРЛА.....	44
2.6. ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В ТРУДАХ Н. ХОМСКОГО.....	46
2.7. ЛЕГИТИМАЦИЯ НАУКИ В ТЕОРИИ Ж.Ф.ЛИОТАРА.....	51
2.6.1. <i>Методология анализа легитимирующих высказываний.....</i>	<i>56</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	58
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	61

ВВЕДЕНИЕ

Язык появляется в предметном поле социологии, начиная с самых ранних этапов её зарождения. О.Конт описывал «всеобщую солидарность» (*consensus omnium*) как интегративную основу общества, отмечая, что она проявляет себя в языке, в то время как присутствие языка в других сферах необходимо было выявлять. Согласие и подчинение нормам языка делает возможным такой социальный процесс как коммуникация. Конт предполагал, что значение языка для существования социального более существенно и скрытно, чем простая координация коммуникативного взаимодействия людей. Как писал Л.Витгенштейн: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»¹, - вероятно, указывая на силу влияния языкового мира на жизненный мир. Современные когнитивные исследователи (Д.Лакофф, Э.Рош и др.) также отмечают силу влияния языковых различий на категоризацию мира, а в философии языка исследования устройства повседневной речи становится основной повесткой дня (Л.Витгенштейн, Д.Остин и др.). Если мы хотим вникнуть в сущность человеческой интеракции и человеческого жизненного мира, рано или поздно, мы приступим к исследованиям человеческого языка, который доступен наблюдению в различных формах. Эти формы и исследуются дискурс-анализом.

В переводе с французского дискурс означает «речь»², и на первых этапах дискурс-анализа он определялся как порядок слов. Порядки слов можно было исследовать, используя лингвистический инструментарий, а также дорабатывая этот инструментарий поисками более общих дискурсивных структур (В.Пропп, К.Леви-Стросс и др.). Со временем дискурс включился в корпус социальных наук, исследуя текст в социальном контексте. Сугубо лингвистических инструментов было недостаточно, и дискурс-анализ был вынужден привлекать социологическую методологию. В данный момент понятие дискурса является размытым в связи с различными точками зрения на фундаментальные принципы устройства социального бытия. Средним и безошибочным определением дискурса будет «текст в контексте». В данном определении текст следует понимать в широком смысле как любое выражение языка.

---

¹Витгенштейн Л. Логико-философский трактат// Философские работы. – 1994. – №2. С.73

²Discours [dikur]-

1) [речь](#); [выступление](#); [слова](#)

2) [дискурс](#), [речь](#)

3) [трактат](#), [рассуждение](#)

4) *перен* [манера мыслить](#), [система понятий](#); *разг* [рассуждение](#), [анализ](#)

Источник: Lingvo A. 12.0 Многозначный электронный словарь //ABBY Software. – 2006.

Дискурс-анализ, представляя собой совокупность социологической и лингвистической методологии, обладает широкой сферой применения. Дискурс-анализ может исследовать, например, конкретные, повседневные коммуникативные ситуации, будь-то поход в магазин за хлебом или способы обсуждения начальства на работе. Также можно исследовать и более «абстрактные» дискурсы. Например, могут исследоваться структуры неолиберального или консервативного дискурса вообще, а может исследоваться конкретная реализация этих дискурсов в СМИ. К примеру, они могут вступать в борьбу или формировать политические идентичности, а возможно, эти дискурсы являются частью общего нарратива противопоставления, тогда в анализе нам необходимо будет описать принципы его устройства. Дискурсы могут репродуцировать социальную реальность или идти наперекор привычным способам её упорядочивания, а различные жанры изначально задают определенные режимы прочитывания текста. Научный текст отличается от газетного не только своим внутренним строением, но и социальными эффектами. Можно исследовать речевые стратегии президента на конференциях или принципы легитимации науки, риторические ходы в публичных университетских дебатах или правила формулирования интересных мысленных экспериментов в современной философии сознания. Обычно исследователи выделяют *институциональные* дискурсы (педагогический, медицинский), дискурсы *идентичности, политические, медиадискурсы* (дискурс рекламы, Р R дискурс), *бизнес-дискурсы, арт-дискурсы, дискурсы среды обитания, дискурсы тела, сновидений* и т.д.¹

И без того широкая сфера применения дискурс-анализа уже расширилась до космических масштабов. Дискурс-анализ в постструктуралистском издании формирует свою уникальную фундаментальную теорию, а также создает социолого-семиотическую методологию для анализа любых типов семиотических систем и последовательностей. Кинематограф, рекламные образы, даже еда - все это попадает в сферу дискурсивного анализа. Основываясь на лингвистической, семиотической и социологической методологии, дискурс-анализ способен анализировать все сферы социальной жизни, предлагая глубокую теоретическую и методологическую базу.

В связи с этим, мы предпринимаем попытку рассмотрения основных теорий дискурса в социологии. В результате мы надеемся получить более отчетливые представления о существующих теоретических подходах и постараемся предложить принципы классификации существующих теорий.

---

¹Русакова О. Ф., Спасский А. Е. Дискурсология как новая дисциплина. Предисловие //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия " Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом" Дискурс-Пи. – 2006.

Рассмотрение основных теорий дискурса в социологии следует начать с объяснения причин возникновения дискурс-анализа в социологической теории. Мы предпринимаем попытку выделить факторы возникновения теорий дискурса в социологии в контексте более глобальных парадигмальных перемен, которые описываются в работе Д.Лакоффа¹.

Следующим и основным этапом в рассмотрении теорий дискурса в современной социологии будет теоретическая реконструкция современных подходов к дискурс-анализу. В научной среде происходит борьба за интерпретацию понятия «дискурс», в которой нельзя выделить однозначно доминирующего направления, но эти понятия можно классифицировать, исходя из общих теоретических предпосылок. Мы продемонстрируем, как понятие дискурса трансформируется в связи с теми или иными фундаментальными представлениями об устройстве социальной реальности, и как эти представления могут сказаться на технологиях анализа. В ответе на вопросы о классификации теорий дискурса, мы обратимся к таким исследователям как Л.Филлипс, М.В.Йоргенсен, Я.Торфинг, Т.Ван Дейк, О.Ф.Русакова. В этой же главе мы будем касаться таких исследователей как Э.Лакло, Ш.Муфф, Н.Фэркло, Р.Барт, С.Холл и др. Будет рассмотрена теория речевых актов Д.Остина и Д.Серла, а также методология критического дискурс-анализа Т.Ван Дейка. Помимо этого, будут рассмотрена теория языка Н.Хомского и предложена новая технология анализа дискурсов легитимации научного знания на основе теории Ж.Ф.Лиотара.

Объект:

- Теории дискурса в современной социологии.

Предмет:

- Теоретические основания современного дискурс-анализа в социологии.

Цели:

- 1) Выявить и систематизировать факторы возникновения теорий дискурса в современной социологии.
- 2) Провести теоретическую реконструкцию теорий дискурса в современной социологии.

---

¹Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Litres, 2014

Задачи:

- 1) Выделить факторы возникновения современного дискурс-анализа.
- 2) Предоставить теоретико-методологический разбор современных теорий дискурса.
- 3) Предоставить модель классификации современных теорий дискурса.

В первой главе раскрываются условия возникновения теорий дискурса. Вторая глава раскрывает теории дискурса в современном виде, предлагая принципы, помогающие разобраться в теоретическом многообразии. Кратко опишем содержание представленных в данной работе параграфов:

Факторы возникновения теорий дискурса в социологии

В данном параграфе формулируются факторы появления современных теорий дискурса в контексте глобальных теоретико-эпистемологических перемен описанных в работе Д.Лакоффа.

Теория языковых игр в работах Л.Витгенштейна

Л.Витгенштейн довел до логического завершения репрезентативистскую парадигму и открыл новую парадигму, благодаря которой появилась возможность переосмыслить форму социального бытия и основания эпистемологии.

Понятия в естественном и научном языках

На основе теории Витгенштейна мы предлагаем принципы различения семиотических сетей. За основу может быть взята «естественная» или «научная» организация любой семиотической системы или «естественная» или «научная» структура конкретного понятия. Естественная организация порождает децентрированные сети отношения значений, которые выстраиваются исходя из принципов, исследуемых поздним Витгенштейном, а в настоящее время когнитивистами (Д.Лакофф, М.Джонсон, Э.Рош). Научные понятия выстраиваются по принципу, предложенным ранним Витгенштейном. Создавая научную теорию, необходимо создавать строгую систему различений. В такой ситуации социология должна быть еще и философией, которая описывает фундаментальные принципы социального бытия. Теории дискурса в формате постструктурализма отвечают этому запросу.

Классификация теорий дискурса.

В данном параграфе мы приводим классификации теорий дискурса самых известных исследователей и описываем сущность теоретических подходов. Помимо этого, формулируется авторская классификация, позволяющая включить в себя любую теорию дискурса.

Методология дискурс-анализа в трудах Т. Ван Дейка

Критический дискурс-анализ предлагает развернутую методологию дискурс-анализа. В данном параграфе мы описываем аппарат различения Т.Ван Дейка, демонстрируя методологические принципы критического дискурс-анализа в современном виде.

Теория дискурса в работах Р.Барта

Ролан Барт предлагает свою классификацию дискурсов, вводя понятие социолекта, которые разделяются на энкратический и акратический тип. Помимо описания теории дискурса Барта, затрагиваются принципы семиотических исследований Барта, в контексте перемен, обозначенных в первой главе.

Бирмингемская школа дискурс-анализа.

Бирмингемская школа дискурс-анализа, также известная как «cultural studies», представляет собой интересный синтез идей неомарксизма и постструктурализма. В отличие от других направлений дискурс-анализа, «cultural studies» можно назвать отчасти «ангажированными».

Теория речевых актов в работах Д.Остина и Д.Серла

В рамках дискурсивной психологии, аналитических философ Д.Сёрл предлагает принципы классификации конкретных речевых высказываний исходя из структуры человеческого мышления. Д.Сёрл демонстрирует взаимосвязь сознания и языка, показывая невозможность рассматривать одно без другого.

Теория языка в трудах Н.Хомского

В своей теории языка Н.Хомский разрабатывает принципы функционирования любого языка, обнаруживая более глубокие синтаксические принципы, лежащие в его основе. Подобно Д.Сёрлу Хомский затрагивает вопросы функционирования языка в контексте сознания и создает влиятельную теорию, обрушившую бихевиоризм.

Легитимация науки в теории Ж.Ф.Лиотара

Ж.Ф. Лиотар выделяет различные типы легитимации науки в исторической ретроспективе. Мы предлагаем использовать принципы его различения для конкретных речевых высказываний, намечая методологию исследования легитимирующих дискурсов.

1. ОСНОВАНИЯ ТЕОРИЙ ДИСКУРСА В СОЦИОЛОГИИ

1.1. Факторы возникновения теорий дискурса в социологии

Одним из самых древних и распространенных представлений об истине по праву можно считать «соответствие идеи и некоего положения дел». Устройство этих взаимоотношений было взято М.Фуко¹ за ключевой принцип существования «режима истинности» в работе «Слова и вещи»². Не касаясь тонкостей данной работы, можно сказать, что благодаря алфавиту, мир теряет единство, но продолжает обладать «внутренне присущей структурой», которую можно прочесть, а в 17 веке происходит концентрация на языке описания, который должен быть спонтанным для точной репрезентации структуры мира. Продолжая идею М.Фуко, можно сказать, что в наше время слова и вещи дистанцируются друг от друга на непреодолимое расстояние. Данный процесс можно назвать деконструкцией «истины» в эпистемологии. В литературе теории, стремящиеся исключить понятие истины, называются дефляционными теориями истины³.

В своей статье «Является ли истинное и обоснованное убеждение знанием?»⁴, аналитический философ Э.Гетье показывает, что на данный момент у человечества нет теории истины как соответствия идеи и некоего положения дел. Гетье приводит простые примеры, демонстрирующие, что любая теория истины не состоятельна, а все, что есть у человечества, это лишь убеждения, которые могут быть обоснованными и не противоречивыми. Однако, с точки зрения современной эпистемологии, принципиальный разрыв между миром и текстом непреодолим⁵. Подобного рода подходы можно найти в

¹У М.Фуко выделяют два этапа его творчества: археологический и генеалогический. В археологический этап Фуко занимался исследованиями механизмов отделения важных и истинных высказываний от неистинных. В этот же период Фуко занимался и теорией дискурса. Он предполагал, что в различные периоды истории существует некий фундаментальный дискурсивный принцип, определяющий истину, он назвал его эпистемой. Уже М.Фуко не сводит дискурс к исключительно текстуальной составляющей, но определяет его как набор социальных практик, которые называются дискурсивными по той причине, что содержат в себе семиотический элемент. В своей работе «Слова и вещи» Фуко рассматривает изменение этой эпистемы в истории. Эпистема представляет собой единый режим знания. Это единый принцип позволяет отделить истинные высказывания от ложных и вообще определить то, чему следует приписывать значение. В генеалогическом этапе Фуко занимается проблемой власти и знания. Власть оказывается не только репрессивной силой, но и творческой. Власть это продуктивная сеть, без которой невозможно социальное. Можно сказать, что Фуко выставляет власть не поверх социального, но вплетает её в многообразие социальных отношений. Власть создает правила альтернативного существования и способы обсуждения, но не имеет полного гегемонического контроля.

²Фуко М. Слова и вещи //Археология гуманитарных наук. СПб. – 1994.

³См: Данилов В.Н. Дефляционные теории истины (дисс. канд. филос. на-ук). М., 2002.

⁴Gettier E. L. Is justified true belief knowledge? //analysis. – 1963. – Т. 23. – №. 6. – С. 121-123

⁵Критику такой эпистемологии пытается предложить К.Мейяссу, однако, он сам признается, что не достигает необходимых результатов (см. «Meillassoux Q. Time without becoming. – 2014.»).

лингвистике уже начала XX века. В изучении языка первым человеком, который создал нереперенциальную теорию был Ф.Соссюр. Нереперенциальная теория до сих пор разделяется многими современными семиотиками, например А.Ж.Греймассом и Ж.Курте. В их работе «Семиотика. Объяснительный словарь теории языка» они говорят об иллюзии референтности¹. Исключение референта из лингвистики является исключением представления о том, что значения соответствуют или не соответствуют миру. Похожую ситуацию мы можем пронаблюдать и в некоторых современных социологических теориях. Например, в радикальном конструктивизме происходит отказ от концепта знания как соответствия представлений и некой «онтологической» действительности². В других теориях истинное положение дел просто оказывается вне исследовательской оптики. П.Бергер и Т.Лукман вообще практически не задаются вопросами о реальном положении дел, фокусируясь на том, кто говорит о тех или иных событиях и как происходит борьба за интерпретацию³, это характерно для любых теорий конструкционистского подхода⁴. Постмодернистские мыслители также отмечали деконструкцию истины, связывая это с крушением модернистских метадискурсов⁵.

Даже естественные науки приходят к отказу от возможности пронаблюдать реальное положение дел. Д.Хоффман в своей работе «Визуальный интеллект: Как мы создаем видимое»⁶, показывает, что с точки зрения эволюционной биологии человек не воспринимает реальность такой, какая она есть. Реальность очень сильно преломляется через сознание, как это происходит и у других животных. Полная репрезентация реальности не выгодна с эволюционной точки зрения. Любое восприятие это интерфейс, который подобен интерфейсу на мониторе компьютера. Даже если мы посмотрим на монитор под микроскопом и увидим пиксели, то это не скажет нам ничего об устройстве компьютера, так же обстоит дело и с реальностью⁷.

С нашей точки зрения, полную концептуализацию данного процесса провел Д.Лакофф в работе «Женщины, огонь и опасные вещи»⁸. Лакофф называет этот процесс

¹Греймас А. Ж., Курте Ж. Семиотика. Объяснительный словарь теории языка //Семиотика. М. – 1983. – С. 483-550 с.487

²Глазерсфельд Э. Введение в радикальный конструктивизм //Вестник Московского университета. Серия. – 2001. – Т. 7. – С. 59-81.

³Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности //М.: Медиум. – 1995.

⁴Богомяжкова Е. С. Особенности строгого конструкционизма: социальные проблемы как языковая игра //печатается по решению. – с. 182.

⁵Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. – 1998.

⁶Hoffman D. D. Visual intelligence: How we create what we see. – WW Norton & Company, 2000

⁷Следует отметить, что истина, порой, необходима для естественных наук, в связи с чем отказ Хоффмана не является, в конечном итоге, полным.

⁸Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Litres, 2014

сменой *объективизма* на *экспериенциализм*¹. Среди характеристик *объективистской* интуиции Лакофф выделяет:

- Мышление представляет собой механическое оперирование абстрактными символами.
- Разум это абстрактная машина, подобная компьютеру.
- Символы получают значение через соотнесение с вещами внешнего мира.
- Символы – это *внутренняя* репрезентация *внешней* реальности.
- Ум – зеркало природы.
- Мышление не зависит от человеческого тела, которое не накладывает никаких границ на человеческое познание.
- Машины обладают «интенциональностью».
- Мысль может быть разбита на простые строительные блоки.
- Мышление *логично*.

Для *экспериенциализма*, или *опытного реализма* характерны следующие представления:

- Мышление является *воплощенным*. Структуры, образующие нашу концептуальную систему, имеют источником наш чувственный опыт и осмысляются в его терминах.
- Мышление является *образным*. В нашем мышлении мы используем метафоры, метонимии, ментальные образы, что не сводится к простому отражению реальности.
- Мысль имеет свойства *гештальта*.
- Мысль имеет *экологическую структуру*. Это означает, что мышление всегда входит в общую структуры нашей концептуальной системы, а следовательно не сводится к простому оперированию абстрактными символами.²

У различных исследователей можно обнаружить сосуществование интуиций характерных как для объективистских, так и для *экспериенциалистских* представлений. Для нас важно рассмотреть то, каким образом представленное выше изменение оказало влияние на возникновение теорий дискурса в социологии.

Одной из основных эпистемологических предпосылок современного дискурс-анализа является представление о знании как об исторически обусловленном продукте. Такая точка зрения является основой современного дискурс-анализа, который базируется на конструкционистских представлениях о социальной реальности. Конечно, дискурс-

---

¹Там же. С.11

²Там же. С.13

аналитик может считать что-то истинным или ложным, но когда аналитик принимается за исследование, он должен забыть о своих предпочтениях. Иными словами, социологи отказываются предполагать какие-то процессы, как обусловленные не социальным образом. Дискурсы равны между собой, и аналитик применяет одинаковый инструментарий для всего. Такая точка зрения не требует дополнительных прояснений, следует лишь отметить, что это напрямую связано с деконструкцией концепта «истины», о чем мы говорили ранее. Если нет истины, то нет и истинного дискурса, следовательно, аналитика не должна быть «ангажированной»¹. Помимо этого важного события в социологической теории, необходимо рассмотреть изменения в антропологической модели, о чем уже упоминалось выше во время пересказа Д.Лакоффа.

Как уже было отмечено выше, в экспириенциализме мышление мыслится как воплощенное, а не существующее отдельно от тела и человека. В классической модели человека, например, в классической философии (в Гегелевском издании), разум является всеобщим и непреходящим, в отличие от случайного рассудка. Также в классической онтологии выделяется вечное, непреходящее бытие и случайное сущее. Если мы обратим внимание на гуманитарные науки, которые были созданы в рамках классической модели, мы обнаружим, что имеем дело с формулированием законов поведения социальной сущности в человеке. Современный антрополог Д.Гребер в своей работе «Долг: первые 5000 лет истории» не только разделяется с классическим мифом о том, как появляются современные деньги, но и затрагивает вопросы формирования экономики как науки. А.Смит создает экономику обосновывая то, что человек в силу своей природы склонен к обмену. Ни для кого не секрет, что в экономике подразумевается некий универсальный homo economicus, который стремится к выгодной сделке. С.Милль, например, считает, что предметом политической экономии служат социальные факты, которые возникают исключительно с целью накопления богатств². Г.Спенсер, в свою очередь, считает, что человек по своей природе стремится к кооперации, которая бывает самопроизвольной или сознательной. Современные космополитические теории³, подобно О.Контю, предполагают некие общие законы развития обществ, что не отличается от указанного выше принципиальным образом. Общее у всех этих воззрений – некое представление об одинаковости социального человека.

¹ Среди современных дискурс-аналитиков, принципиально занимающих «ангажированную» позицию, можно выделить бирмингемскую школу дискурс-анализа, которая называется «Cultural studies».

² Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение // Вопросы статистики. – 2015. С.88

³ Casanova J. Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities // Current Sociology. – 2011. – Т. 59. – №. 2. – С. 252-267.

В современных теориях дискурса в социологии социальный субъект является децентрированным, и сам представляет собой продукт дискурса. Иными словами, классическая антропологическая модель, предполагающая разделение человека на «случайную» и «вечную» части, сменяется представлением о «полной случайности» человека и полной включенности человека в существующую культуру. Вместо того, чтобы предполагать рациональное поведение человека, фокус смещается на исследования структуры рациональности в различных культурах. Вместо того, чтобы выносить спекулятивные суждения о том, что человек стремится, например, к нескольким типам кооперации, фокус смещается на то, каким конкретно образом организовано взаимодействие в тех или иных ситуациях. Иными словами, когда в социологии отказались от «вечного» социального субъекта, социология перестала быть наукой о законах социального поведения, и стала наукой об определенном социальном положении дел¹.

С нашей точки зрения, классическая модель человека начинает пересматриваться в конце XIX - начале XX века. Б.Малиновский создает этнографический метод, который позволяет более глубоко понять устройство каких-либо сообществ изнутри, через усваивание семантических различий. Э.Дюркгейм предлагает отказаться от общих представлений о человеке, так как интерсубъективность нельзя рассматривать исходя из неких предполагаемых идей. Мы никогда не предскажем того, как будет работать тот или иной социальный факт, поэтому Дюркгейм предлагает исследовать их отдельно и как вещи². В это же время появляется Л.Витгенштейн, который, в своем позднем проекте, обращает внимание на хитросплетение человеческих отношений и категориальных различий. Появляется новый социогуманитарный проект, одним из современных выражений которого является современный дискурс-анализ.

Таким образом, можно выделить ключевые, с нашей точки зрения, факторы возникновения дискурс-анализа, которые являются также и факторами возникновения конструкционистской интуиции:

- 1) Унификация всех сфер социальной жизни в социологической методологии.
- 2) «Деэссенциализация» социального субъекта (смена дуалистической, классической модели, на целостную).

¹С нашей точки зрения, социальное положение дел может быть зафиксировано только в «декартовской» модели субстанционального дуализма, что является обязательной социологической интуицией. Социология социального положения дел распадается на две описательные стратегии: описание *интерсубъективности* и *событийности*. Интерсубъективность, таким образом, относится к сфере нашего мышления (категории, коды, дискурсы, убеждения, правила и т.д.), а событийность – к сфере движения тел и событий. Не вдаваясь в подробности, скажем лишь то, что две выделенные крайние точки являются идеальными типами и не встречаются в реальности.

²Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение // Вопросы статистики. – 2015. С.91

1.2. Теория языковых игр в работах Л.Витгенштейна

Людвиг Витгенштейн является, возможно, одним из самых ярких мыслителей конца XIX – начала XX века. Помимо того, что он был очень эксцентричным, за свою жизнь Витгенштейн создал две противоположных теории, где одна из них доводит многовековую эпистемологическую логику до предела, а вторая открывает принципиально новый взгляд на устройство человека и его социального бытия, которая описывается в работе Д.Лакоффа «Женщины, огонь и другие опасные вещи».

Самая известная работа Л.Витгенштейна называется «Логико-философский трактат»¹. Эта работа является олицетворением репрезентативистской парадигмы, причисляется к направлению «логического атомизма», представителем которого является, например, Б.Рассел. Л.Витгенштейн хотел очистить язык от неправильных, неточных терминов, в то же время, устанавливая и границы человеческому познанию. Автор заканчивает трактат фразой: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать»². Витгенштейн призывает к жесткому словоупотреблению, по сути, он создает такую теорию, которая может быть описана метафорой зеркала. В языке мы отражаем наш мир, но мы не должны исказить это отражение. Л.Витгенштейн был крупным специалистом по логике (сравнится с ним мог, возможно, только А.Н.Уайтхед) и математике, он был уверен, что большинство вопросов философии просто исчезнут, если мы поставим философию на жесткую понятийную основу. Он был уверен, что решил все философские проблемы, так как метафизические вопросы потеряли бы смысл.

Ранний Витгенштейн считает, что любое предложение показывает определенное положение вещей, некие факты, который могут быть истинным или ложным. Мир, в свою очередь, состоит из фактов, а не из вещей, он есть совокупность отношений, а не просто сосуществующих атомов. Таким образом, наша задача – создавать правильные и понятные предложения, которые отражали бы факты которые имеют место. Стоит отметить, что мы не можем знать что такое объект, хотя мы можем знать в какие отношения он вступает с другими. Несмотря на то, что мы должны молчать о том, о чем мы не можем говорить, он не выбрасывает эту значимую сферу из человеческой жизни. В §6.522 трактата, Л. Витгенштейн говорит о невыразимой, мистической сфере жизни. Она как раз и есть то, что есть мир, а не то, как он есть. Философский метод с точки зрения Витгенштейна

---

¹Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. – 1958.

²Там же. §7

заключается в том, что необходимо говорить только те предложения, которые имеют смысл, а это только естественнонаучные предложения (§6.53). Витгенштейн «чувствует» (§6.52), что даже если найдутся ответы на все физические вопросы (вопросы, которые возможно сформулировать), сфера жизни не была бы даже затронута. Поэтому человек, который обнаружил смысл жизни даже порой не может его высказать. Это попадает в сферу «мистического».

Давайте еще раз задумаемся в то, каким образом выстраивается познание по раннему Л.Витгенштейну. Мы создаем идеальный язык, который выстраивает такие жесткие понятийные отношения, что в нем невозможна какая-либо двойная трактовка. Наши слова накладываются на мир, и если какая-то сфера мира оказывается непокрытой, то в силу прозрачности нашего понятийного аппарата мы способны это пронаблюдать. Таким образом, мы создаем такие предложения, которые полностью выражают структуру мира, так как полностью покрывают наблюдаемую реальность. Так как они устроены логично, они порождают некие отношения, которые выражают полностью (в силу своей прозрачности) структуру фактов (отношений), совокупность которых есть мир. Таким образом, в теории Витгенштейна существует представление об истине как соответствии некоторых предложений реальному положению вещей.

Проблемным местом в теории раннего Витгенштейна является то, что он не обосновывает связь мира и языка. Если, к примеру, Рене Декарт говорит о том, что Бог его не обманывает, когда вкладывает в него математические формы, а потому, он может накладывать эти формы на мир и познавать его¹, то Витгенштейн не говорит ничего. Мы должны поверить, что мир может быть отражен в языке. С другой стороны, мы не можем никак помыслить себе то, что не выразалось бы в языке и логично, соответственно, эта связь, вероятно, не может быть опровергнута. Но такой аргумент работает только в том случае, если мы говорим о познании вообще, но разве сам язык с теми понятиями, которые в нем есть уже не обуславливают наше восприятие мира?² Иными словами, нам не дан мир сам по себе, для того, чтобы мы могли наложить на него идеальный язык. Мир дан нам всегда в неких преломленных формах уже существующего языка и существующих категорий. В идеальном мире, где мир дан таким как он есть, теория раннего Витгенштейна была бы очень сильной, но не в нашем мире. Таким образом, теория логического атомизма в виде Б.Рассела, Л.Витгенштейна, венского кружка, потерпела крах, но не в связи с тем, что не выдержала каких-то контраргументов. Просто она, можно сказать, «сошла с дистанции».

¹Декарт Р. Размышления о первоначальной философии. – Абрис-Книга, 1995.

²Как вероятно выразился бы К.Мейясу, у Витгенштейна нет ответа на сильную форму корреляционизма.

Что мы имели ввиду, когда сказали «сошла с дистанции», «потерпела крах»? Это является некими выражениями, которые мы понимаем, но они не сообщают нам ничего существенного. Подобные языковые события и попали в фокус позднего Л. Витгенштейна. После того как Витгенштейн «разрешил» все проблемы философии, он стал постепенно осознавать, что сделал недостаточно. В его сознании стали вызревать новые идеи об устройстве языка. Л. Витгенштейн создает новое направление в философии, которое занимается анализом естественных языков и носит название «лингвистическая философия».

Лингвистическая философия представляет собой что-то похожее на современный дискурс-анализ в варианте фокуса на повседневности. Ключевой книгой является «Философские исследования», которые, с точки зрения Л. Витгенштейна, не были совершенными и были опубликованы посмертно. В данной работе Л. Витгенштейн поднимает проблемы языка и значения. Он обнаруживает, что язык, на котором говорят люди – очень сложен. Язык подобен старому городу, в котором есть древние и кривые улочки, а есть ровные улочки и новые районы и т.д. В нашей жизни мы имеем дело с некими языковыми играми – способами словоупотребления, которые мы усваиваем и «чувствуем». Для Витгенштейна, слова теряют смысл тогда, когда покидают обыденные контексты, а знать значение слова – означает знать ситуации, в которых это слово употребляется, владеть языковой игрой.

Ф. Соссюр впервые заговорил о том, что значения в языке неререференциальны, то есть не отсылают за свои собственные пределы. Язык порождает такую сеть отношений, в которой значения появляются благодаря тому, что знаки определенным образом расположены относительно друг друга, но знаки не связаны с внеязыковыми сущностями. У Соссюра остается язык как совокупность всех отношений, а речь становится актуализацией некоторых частей общей и устойчивой языковой системы с закрепленными значениями. Витгенштейн открывает нам новый способ восприятия языка. Если Соссюр был структуралистом, то Витгенштейна можно назвать первым постструктуралистом, так как значения с его точки зрения появляются не в «общем языке» (в противопоставление речи), но в том, как конкретно употребляются те или иные слова в языковых играх. Сам дискурс как разворачивание текста создаёт уникальную сеть отношений в данный момент, а не актуализирует уже существующую сеть «из всеобщего языка».

В «Философских исследованиях» Л. Витгенштейн приводит в пример различные языковые игры и показывает, что употребление тех или иных слов может оказаться странным или очень не точным, при том, что языковая игра создает другое впечатление.

Витгенштейн критикует метафизику в том смысле, что очень часто она описывает некоторые метафизические понятие в терминах повседневных языковых игр с помощью фраз, которые «всем понятны». Таким образом, метафизика может ничего и не объяснять. Сами философские проблемы, с его точки зрения, появляются тогда, когда язык пребывает «в праздности». Саму философскую практику Витгенштейн описывает как натаскивание на языковые игры ¹. Можно сказать, что студент осваивает интересные когнитивные ходы, интересные постановки вопроса, а главное, он получает тонкие различительные принципы, помогающие отличить «вульгарное» мышление от «утонченного».

Интересно, что в некоторых местах позднего Витгенштейна проскальзывает Витгенштейн «трактата». Это можно увидеть например в части, где Л.Витгенштейн занимается анализом того, из чего состоит понятие. В §60 философских исследований, Л.Витенштейн задается вопросом о том, из чего состоит понятие швабры. Он считает, что более детально проанализированное понятие швабры звучало бы как «палка и щетка, в которую она воткнута». Было бы это более детализированным понятием? Витгенштейн использует логику прежнего себя, так как в этом примере он считает, что предложения выражают связи в мире, но не что-то другое. В данной ситуации слово выражает отношения объектов между собой. Но в действительности, швабра фигурирует скорее как функциональное понятие, а не объектное. Шваброй мы называем то, чем мы вытираем пол, оно встраивается в совсем другое семантическое пространство, это другая языковая игра. Но мы можем задействовать и ту языковую игру, которую предложил Витгенштейн. В этом смысле, ничто не будет истинным уточнением термина «швабра», так как мы можем выбрать различные смысловые горизонты для его интерпретации.

Почему Л.Витгенштейн использует метафору игры? В §66 он дает ответ на этот вопрос. Основная идея заключается в том, что для игр сложнее всего найти некий принцип, который относит игры именно к этой категории, а не к какой-либо другой. Поиск «стольности» и «стульности» обычно представляется нам реальным, но когда мы говорим об играх, эта затея кажется невоплотимой. Все ли игры развлекательны? Во всех ли играх есть выигрыш или проигрыш? Всегда ли игра соревновательна? «А результат этого рассмотрения таков: мы видим сложную сеть подобий, накладывающихся друг на друга и переплетающихся друг с другом, сходств в большом и малом»². Для описания того, как устроен язык, Витгенштейн применяет метафору родства, а образ языка как старого города

¹Марков Б. В. Знаки бытия. – 2001.С.64

²Витгенштейн Л. Философские исследования //Философские работы. – 1994. – №. 2.С.111

оказывается очень точным. Витгенштейн открывает совершенно новый взгляд на то, каким образом проводится категоризация¹.

Таким образом, вопрос трактата «Что должно иметь место, чтобы предложение было истинным?» сменяется другими вопросами: «При каких условиях данная форма слов может утверждаться или отрицаться как истинная?» и «Какова роль утверждения или отрицания истинности предложения в тех или иных условиях?». В §134-137 Витгенштейн занимается разбором того, что он понимает под истиной. Повторяя выше указанные замечания, можно сказать, что под истинным или ложным Витгенштейн теперь понимает либо утверждение или отрицание предложения, а также то, что попадает под «функцию истинности» в нашей языковой игре. Опять же, Витгенштейн отказывается от истины как чего-то независимого и вписывает истину в то, какие критерии мы вырабатываем для наделения каких-то утверждений истинностью. Таким образом, когда Витгенштейн отказывается от трактата и от исходной идеи о соответствии или не соответствии некоторых предложений миру, то он отказывается от предшествующей «репрезентативистской»² парадигмы, и открывает новую точку зрения на истину как на определенные способы принятия решений об истинности или ложности в различных ситуациях. Если мы обратим внимание на научное познание, то увидим, что парадигма есть не что иное, как правила консенсуса. Именно так её вскользь определяет Ж.Ф.Лиотар в работе «Состояние постмодерна», делая акцент на дискурсивной стороне научного познания³. Ж.Ф.Лиотар не далеко ушел от Т.Куна, который определяет парадигму как норму воспринимать и описывать объект. Такая норма не могла бы существовать без принципов различения истинных суждений от не истинных. Идея знания как консенсуса вообще соответствует современным тенденциям социологии науки. Если мы спустим эту идею на уровень нашей повседневности, то обнаружим, что она обладает фундаментальным общество образующим свойством. В наши сознания очень тонко инсталлированы принципы, благодаря которым мы способны отличать «разумные» суждения от «не разумных». Если бы мы воспринимали язык как медиум, который создает самодостаточные значения/различения/смыслы подобно другим медиумам (так язык обычно и воспринимается теоретиками), то принцип различения разумного от не разумного являлся бы неким фундаментальным принципом существования языка как

¹ Современные когнитивные исследователи рассматривают Витгенштейна как родоначальника нового подхода к анализу категорий. В этом они продвинулись дальше Витгенштейна, подкрепляя свои размышления эмпирическими исследованиями. Подробнее смотрим у *Лакофф Д.* «Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении». – Litres, 2014.

² *Критике С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке //М.: Канон. – 2010.С.127

³ Б.Латур пытается пересмотреть такую точку зрения в том числе в работе «Latour B. Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern //Critical inquiry. – 2004. – Т. 30. – №. 2. – С. 225-248».

медиума. Без этого не было бы возможности высказать никакую идею, так как ничего не имело бы смысла. Можно сказать, что разумность есть необходимое свойство любого иллокутивного речевого акта¹. Эти принципы накладываются так же и на наше мышление, которое, хоть и не во всем, но структурировано как язык. Так или иначе, наш опыт может быть не всегда конвертируется в языковую форму (так как язык способен не более чем указать на наличие того или другого опыта или создать такой опыт, который может быть пережит только благодаря семантическим различиям в конкретном дискурсе), но наше мышление функционирует по правилам языка, когда мы думаем о чем-то, то есть когда наше мышление интенционально, более того, абстрактные идеи можно высказывать только используя язык². Таким образом, мышление неизбежно обусловлено некими «коллективными» представлениями о том, что является разумным, а что нет (именно поэтому, например, М.Фуко может говорить об эпистеме как фундирующим дискурсивном эпистемологическом принципе).

С нашей точки зрения, было бы полезным обратить внимание на то, каким образом Л.Витгенштейн фигурирует в современной аналитической философии. Сол Аарон Крипке является одним из самых влиятельных аналитических философов современности. Помимо того, что он занимается отстаиванием дуализма в философии сознания и предлагает очень утонченные аргументы, Крипке является крупным специалистом по языку и логике. В своей работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке», Крипке акцентирует наше внимание на парадоксе в теории Витгенштейна. Прочтение позднего Витгенштейна в крипкейнианской манере стало настолько актуальным, что Крипке даже стали именовать Крипкенштейном.

Крипке начинает с того, что показывает нам принципы работы правил в теории Витгенштейна. Он воображает скептика, который сомневается в том, что некое правило, которое я сейчас применяю, применялось мной всегда. Кратко воспроизведем ту ситуацию, которую обрисовывает нам Крипке. Предположим, что всякий раз когда я складывал 68 и 57 я использовал не всеми известную функцию сложения, но использовал функцию «квожения», которая представляет собой функцию сложения во всех ситуациях кроме той, в которой хотя бы одно из чисел не превышает 60. В обратном случае ответом на вопрос будет равен 5. Крипке показывает, что такое сомнение возможно и логически допустимо, хоть и кажется безумным. В своей работе, автор демонстрирует, что мы никогда не можем знать, используем ли мы в данный момент функцию сложения или

¹См. параграф «Теория речевые актов».

²Про тонкости различий языкового мышления и «имаджетивного», а так же про аргументы в пользу «особенности» языка смотрим в работе «Prinz J. J. Beyond human nature: How culture and experience shape the human mind. – WW Norton & Company, 2014.. P. 119-124»

квожения, так как в нас нет специальной идеи, которая отвечала бы за это. Крипке не оспаривает некоторое данное правило в данный момент, он просто показывает, что применяя правило, мы применяли его для некоего конечного количества ситуаций в прошлом и ничто не может нас убедить в том, что следующая ситуация не будет выбиваться из этого правила. Например, я всегда складывал числа и считал, что я делал операцию сложения, а не квожения, но я никак и никогда не смогу проверить делал ли я операцию сложения или квожения в прошлом. В прошлом я не сталкивался с таким примером, который обнажал бы операцию квожения. В конечном итоге, человек никогда не может быть уверен в своем правиле, но как же быть? В действительности, нет такой вещи как правило, которое можно длить в бесконечность и оно, при этом, не подведет. Даже в математическом примере такое правило не доказуемо, соответственно, правило представляет собой некие конвенции о правиле и сами являются языковой игрой. У нас нет ничего, что позволяло бы нам быть уверенными в том, что мы использовали операцию сложения, а не квожения, кроме нашей собственной убежденности в этом. Витгенштейн, как уже было показано выше, полностью выходит из репрезентативистской логики трактата. Нет такой сущности как правило, на которую мы можем указать нашим языком (язык как «указка» критикуется в первой части философских исследований, во второй части уже обсуждается парадокс). Поэтому человек живет в тумане и всегда действует наугад, не имея возможности быть абсолютно уверенным в достоверности применяемого правила. Поздний Витгенштейн входит в позицию полной неререференциальности языка и заключает, что язык даже не указывает на некие сущности в моем собственном сознании, подобно тому, как он не указывает на сущность отвечающую за правило. Язык замкнут, а индивидуальный язык невозможен.

Проблемы, поднятые Витгенштейном, обладают не только философским измерением, но и глубоко социологическим. Витгенштейн открывает перспективу восприятия человеческого действия как социальной практики, открывает дискурсивность в своей повседневной реализации. Он открывает новый взгляд на организацию интерсубъективного пространства как выстроенного по типу родства и подобия, открывает новый взгляд на правило, как нечто несуществующее вне сугубо языкового, а следовательно, и социального субстрата. Идеи Витгенштейна широко используются в социологии науки и этнометодологии¹. В свою очередь, работы раннего Витгенштейна могут пригодиться для «наведения порядка» в любой теории, без которых социология не могла бы существовать.

---

¹Линч М. Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки //Социология власти. – 2013. – №. 1-2. – С. 155-213

1.3. Понятия в естественном и научном языках

Как уже было показано выше, структура языка и дискурса в значительной степени обуславливает не только пространство возможного текста, но и вообще, дифференции любого типа. Когда мы говорим о теории, то, конечно, в первую очередь, мы имеем дело с текстом. Э.Геттье¹ показал, что между миром и текстом существует эпистемологический разрыв, который еще ни одна теория истины не смогла преодолеть. Дело в том, что у нас нет оснований говорить, что те дифференции, которые мы приписываем миру, действительно имеют место в самом мире. Иными словами, мы не можем говорить о том, что за нашими понятиями скрываются какие-то сущности в реальности. С отказом от того, что мы в данной работе называем репрезентативистской парадигмой, можно выделить некоторые наметки на то, каким образом мы должны выстраивать язык познания и работать с понятиями.

Ранее было показано, что естественный язык работает по принципу подобия, сходства, синонимии, родства и т.д. Иными словами, он выстраивается хаотично и задействует более широкий спектр семиотических связей, чем чисто логические структуры. С точки зрения позднего Витгенштейна, человек овладел понятием, если научился его правильно использовать, если он освоил языковую игру. Например, для каждого социолога понятие социализации является тем, что он постоянно использует, и оно уже скорее связано с принципами работы естественного языка и не предполагает жестких границ. Если мы обратим внимание на социологический дискурс в целом, то мы можем заметить, что таких понятий очень много, все знают как ими пользоваться, но если задаться вопросом, что же они собой представляют, то едва ли кто сможет сходу их определить. Такими понятиями например являются: коммуникация, социализация, сообщество, общество, социальность, дискурс и т.д. В данной ситуации мы имеем смешение принципов работы естественного языка и научного.

Как обычно выстраивается рассуждение на тему определения понятия? Человек представляет себе то, что такое социализация, а точнее, актуализирует в своем сознании те языковые игры, в которых это понятие фигурирует, а потом пытается дать такое определение, которое опишет их все. Обычно человек сталкивается с невозможностью ухватить сущность объекта (в данном случае - социализации) и всегда находит примеры,

---

¹Gettier E. L. Is justified true belief knowledge? //analysis. – 1963. – Т. 23. – №. 6. – С. 121-123

где социализация вроде как есть, но определение не покрывает данный пример полностью. С похожей проблемой мы сталкиваемся, когда пытаемся определить сущность объекта, например, стола. Стол - это поверхность, за которой едят, работают и т.д. И вторая приставка «едят, работают» и т.д. как раз-таки должна отражать контексты употребления понятия, поэтому данное понятие по сути и не является научным понятием, так как проводит разграничения в сфере возможного опыта, но не предлагает нам принцип дифференциации, некое правило. Представим, что мы решили, что стол - это поверхность, за которой едят, мы предложили четкое правило употребления. Но тут мы сталкиваемся с пенком в лесу, за которым едят наши друзья. Назовем ли мы это столом? Это пенек, который используется как стол. Естественный язык опять нас перехитрил. Какую ошибку мы совершили? Мы попытались смешать принципы работы естественного языка и научного/искусственного. Если понятие вдруг начинает обретать слишком размытое и много контекстное значение, то оно переходит в сферу естественного языка, но он, как известно, живет по своим правилам. Таким образом, можно выделить два различных принципа организации семиотического пространства: 1) *Естественная организация*. Такая организация функционирует по принципу родства и тонких различий. 2) *Научная организация*. В такой семиотической структуре понятия выстраиваются так, как этого хотел ранний Витгенштейн.

Как с этим можно работать? Когда мы выстраиваем научную терминологию, мы создаем понятия. Эти понятия являются лишь бирочками, которые маркируют определенные идеи, а точнее, семиотические отношения. Они являются лишь короткими репрезентациями того, что вытекает из нашей теории, а, соответственно, понятие может и должно иметь четкую границу. В такой ситуации мы можем сказать, что с точки зрения нашего языка является социализацией, а что нет, даже если это очень сильно похоже на то, как это слово обычно употребляется в той или иной языковой игре. Если же мы начинаем исходить из естественной организации, то тогда мы сталкиваемся с проблемами. Нам необходимо предположить, что за словом кроется сущность, как, например, за столом кроется «стольность». Это и является фундаментальной ошибкой – предположение о наличии реальной сущности там, где ее может и не быть. В этом и состоит сущность знаменитого спора об универсалиях. Но для существования спора эти универсалии необходимо изначально предположить. Именно так В. Гумбольдт разрешил проблемы универсалий, когда свел их к существующим исключительно в языке.

Можно предположить, что если мы хотим сделать социологию «научоподобной», то необходимо создавать систему четких понятий. Теория должна быть фундаментальной,

и любой теоретик, когда размышляет о различных уровнях социального или любого другого бытия, должен быть способен дать четкую дефиницию любому понятию и быть способным очертить то, что он под этим понимает. Иными словами, теоретик должен быть способен предоставить нам свою структуру различения «на ладони». Она может быть спорной, но она должна существовать. Любая социологическая теория должна быть еще и философской теорией, которая определенным образом показывает фундаментальные принципы социального бытия, из которых потом выводятся более прикладные вещи типа социализации, коммуникации или группообразования, если такие понятия вообще будут существовать в теоретической рамке.

Таким образом, помимо банального и спорного призыва «следить за словами», можно использовать различия Витгенштена для того, чтобы называть конкретные типы организации какого-либо научного языка.

2. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

2.1. Классификация теорий дискурса

Слово «дискурс» по популярности можно смело приравнять к терминам «социальная структура» или «коммуникация». Подобно словам социализация или общество, известно, как использовать слово «дискурс» в различных языковых контекстах, но сложно дать ему какое-то единое определение, четко очертив границы применения этого термина при необходимости. Такое разнообразие связано не только со спецификой языкового устройства повседневности (даже научной), в которой часто не возникает потребности в жестком словоупотреблении, но и действительно, с огромным теоретическим разнообразием, которые указывают примерно на одно и то же социальное событие. В рамках данной работы представляется интересным не только предоставить различные теории дискурса с их теоретическими основаниями, но и предложить более или менее приемлемый принцип классификации этих теорий.

Очевидно, что мы не являемся первыми, кто задавался этим вопросом. Среди известных классификаторов можно выделить: Я.Торфинга, Л.Филлипс, М.Ф.Йоргенсен, Т.Ван Дейка¹. В данной главе мы постараемся не только предоставить те способы классификации, которые были выбраны теми или иными авторами, но и попытаемся выявить некий единый принцип их работы (который, вероятно, станет очевидным по ходу описания авторов), наряду с анализом возможных альтернатив.

В 1979 году Л.Филлипс и М.В.Йоргенсен совместно выпустили работу под названием «Дискурс-анализ. Теория и метод»². Если и можно выделить какую-либо книгу как образцовый пример исследования теоретической и методологической составляющей дискурс-анализа, то это была бы именно эта книга. Помимо того, что в данной переведенной работе приводится классификация теорий дискурса, в ней приводятся и применимые технологии по проведению дискурс-анализа. Филлипс и Йоргенсен выделяют различные принципы организации дискурсивных теорий по принципу их ориентации на тот или иной предмет, а также по принципу способности дискурса к конструированию мира. Т.Ван Дейк в свою очередь, проводит исторический экскурс в

---

¹Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")—Екатеринбург: Издательский Дом "Дискурс-Пи. – 2006.

²Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ //Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004.

теории дискурса, размещая их на временной шкале¹. Я.Торфинг представляет собой некий синтез этих принципов классификации. Он, подобно Т.А.Ван Дейку, показывает как в то или иное время рождались те или иные теории, выделяя схожие с Л.Филлипс и М.В.Йоргенсен фундирующие принципы их различения².

2.1.1. Классификация Л.Филлипс и М.В.Йоргенсен

В упомянутой выше работе «Дискурс-анализ. Теория и метод», Филлипс и Йоргенсен описывают общую для выделенных ими теоретических направлений метапарадигмальную структуру. Эту метапарадигмальную структуру авторы именуют социальным конструкционизмом. Социальный конструкционизм базируется на определенных предпосылках³:

- реальность не доступна нам сама собой, она есть продукт функционирования наших категорий. Иначе говоря, реальность – продукт дискурса.

- любое знание является исторически обусловленным. Дискурс – продукт социального поведения, следовательно, и само знание, будучи дискурсом, является социальным продуктом.

- Наши знания созданы и поддерживаются социальными процессами. В социальном взаимодействии мы доказываем и опровергаем те или иные истины.

- Любое знание существенно обуславливает поведение.

Филлипс и Йоргенсен выделяют три теории, которые базируются на представленных выше метапарадигмальных принципах: постструктурализм, критический дискурс-анализ, дискурсивная психология. Система координат для классификации, которую создают авторы, выстраивается исходя из двух различительных принципов:

1) Направленность исследования. Акцентирует ли свое внимание аналитик на дискурсе в повседневной жизни или на дискурсе как какой-то устойчивой нарративной текстуальной конструкции (например, либеральный или консервативный дискурс).

2) Роль дискурса в обществе. Формируют ли дискурсы социальное полностью, или они являются частью этого социального?

Постструктурализм.

¹Van Dijk T. A. Introduction: Discourse analysis as a new cross-discipline. – 1985.

²Howarth D., Torfing J. (ed.). Discourse theory in European politics: identity, policy and governance. – Springer, 2016

³Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ //Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004.С.24

В свое время Ф.Соссюр создал неререференциальную теорию знака. По Соссюру знак представляет собой единство означающего и означаемого. Само значение знак обретает не из-за того, что отсылает куда-то за пределы языковой системы, но из-за того, что обретает свое место в сети отношений с другими знаками. Различения на язык и речь у Соссюра является очень важным, так как речь есть не что иное, как актуализация определенных блоков, которые существуют в языке и не изменяются. В определенный момент времени сам язык, как устойчивая и неизменная конструкция, встал под вопрос, в связи с чем появилась постструктуралистская теория значения. Теперь дискурс есть разворачивание языковых последовательностей, которое в своем собственном разворачивании производит операцию наделения значением. Язык, таким образом, не существует нигде, кроме как в форме проговариваемого текста. Языка нет, есть правила разворачивания дискурсов. Поэтому с появлением книгопечатания происходит унификация этих правил, и язык, можно сказать, создается как что-то единое. Вспомните, как рьяно люди порой стремятся указать другим на то, что они не правильно используют те или иные слова, стремясь, тем самым, удержать унифицированный язык. В действительности, значения никогда не могут быть законченными или полными, можно сказать, что значения в постструктуралистской теории подвешены в воздухе.

Э.Лакло и Ш.Муфф являются постструктуралистами и занимаются вопросами того, как дискурсы создают социальный мир. Обычно, когда рассматривается постструктуралистская теория дискурса, исследователи рассматривают теорию Э.Лакло и Ш.Муфф. В их теории значения устанавливаются «на ходу», *артикуляция* есть попытка и практика создания значений. Дискурс – это структурное единство возникающее в результате артикуляции. *Момент* – позиция знака в дискурсе. Лакло и Муфф также вводят термин *узловая точка дискурса*. Узловая точка - это такое означающее, которое задает контекст прочитывания других означающих. Например, слово «тело» является узловой точкой для медицинского дискурса. В свою очередь, слова «скальпель» или «органы» может задать контекст прочитывания слова «тело», ведь если мы, например, зададим систему координат тело - душа, то это уже совсем другое тело, нежели то, которое оперируют на столе. Эти знаки хоть и номинально являются одинаковыми, на деле существуют в совсем различных сетях отношений и в различных дискурсах будут действовать совершенно по-разному. По Лакло и Муфф значение может быть присвоено только через исключения всех возможных других значений знака. Таким образом, дискурс – ограничение возможностей означивания. Вся сфера значений, которую ограничивает

дискурс, Лакло и Муфф называют *областью дискурсивности*. *Элемент* – это значение, интерпретации, которое не сократилось до дискурсивного измерения. Можно сказать, что момент – это прорыв области дискурсивности. В области дискурсивности происходит борьба различных дискурсов за присваивание единого значения *изменчивым знакам*, то есть таким знакам, которые открыты для интерпретации и ничего не означают. Таким образом, цель дискурса в том, чтобы превратить элемент (открытое значение) в момент (закрытое значение). Эта закрытость не может быть абсолютной и любой момент способен обратно стать элементом. Становится более наглядным разрыв между Соссюром и постструктуралистами. В теории Соссюра все значения являются закрытыми навсегда, то есть в нем отсутствуют элементы, в то время как в постструктуралистской теории значения никогда не могут быть фиксированными, закрытыми до конца. Однако люди живут в таком мире, в котором они считают, что все значения устойчивы и фиксированы. Отчасти это происходит благодаря тому, что люди постоянно проводят работу в этом направлении, подобно тому, как люди создают иллюзию единого и целостного мир¹. Постструктуралисты концентрируются на том, каким образом происходит наделение тех или иных дискурсов статусом чего-то реального. В конечном итоге, в структуру дискурсов попадают и материальные объекты. Например, такая группа как «дети» существует в качестве дискурса о детях, в который входят детские сады, медицина для детей и т.д. Эта группа фигурирует как реальная и материальная, но не перестает от этого быть дискурсом. Дискурс не сводится к языку. Таким образом, по Лакло и Муфф всё есть дискурс. Не существует недискурсивной реальности. Существуют недискурсивные формы, но доступ к ним всегда опосредован через дискурс. Так как дискурс не имеет онтологической основы, но фигурирует как нечто реальное и объективное, появляется идеология, которая скрывает возможность иной интерпретации. Подобно тому как дискурс не может быть зафиксирован раз и навсегда, не существует и общества, как раз и навсегда зафиксированного. Общество это продукт дискурса об обществе, подобно дискурсу о стране. Возможно дискурсы и не являются реальными по своим онтологическим основаниям (реальны ли такие категории как общество, страна, дети?), но они действуют как реальные. В своей постструктуралистской теории Лакло и Муфф затрагивают вопросы любого социального бытия и решают их глубоким теоретическим образом. Идентичность, группообразование, интеракция и т.д.

---

¹Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука/пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред //С. Гавриленко. М. – 2015.

С нашей точки зрения, эти исследователи действительно глубоко смогли проникнуть в сущность нашей социальной жизни, предлагая глубоко разработанный теоретический инструментарий. С другой стороны, Лакло и Муфф практически не предлагают никаких инструментов для работы с конкретными дискурсами в отличие от, например, критического дискурс-анализа, речь о котором пойдет далее. Таким образом, по классификации Филлипс и Йоргенсен, постструктуралисты сводят любую реальность к дискурсивной и конструируемой. Помимо этого, постструктуралисты не концентрируются особым образом на повседневных или общих дискурсах.

Критический дискурс-анализ.

В отличие от постструктуралистского понимания дискурса, критический дискурс-анализ (КДА) не говорит о том, что нет недискурсивной реальности. КДА определяет дискурс как текст или речь в социальном контексте, указывая, тем самым, на существование недискурсивного контекста. В отличие от постструктуралистов, КДА использует в своих исследованиях лингвистический и семиотический инструментарий, что указывает на междисциплинарный характер КДА. Этот подход является более социологичным, так как позволяет прояснять то, каким образом тот или иной контекст формирует различные типы дискурсов и наоборот влияние дискурса на мир. В конечном итоге, если все является дискурсом, как у постструктуралистов, то как же нам тогда с этим работать? Возможно, именно поэтому Лакло и Муфф не интересуют конкретные примеры, которые они приводят лишь при необходимости показать принципы функционирования тех или иных очень абстрактных идей.

КДА подхватывает идею о том, что языковые структуры являются изменяемыми, но указывает, в свою очередь, что эти изменения не являются сверхскоростными. Иными словами, мы можем понимать друг друга благодаря тому, что есть устойчивые значения, которые, порой, не так легко изменить. Основной идеей КДА в выпуске Н.Фэркло¹ является то, что дискурс не только конституирует, но и является конституирующим. Дискурс, являясь формой социальной практики, не только воспроизводит и изменяет значения, но и сам подвергается воздействию различных социальных контекстов. Как уже было сказано, основное достоинство КДА и Н.Фэркло заключается в наличии методологического инструментария, который мы продемонстрируем ниже. Так или иначе, в любом дискурс-анализе, как качественном исследовании, не может существовать

¹Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ //Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004.С.116

жесткой и прописанной методологии, которой нужно следовать. Филлипс и Йоргенсен делают акцент на том, что методология может и должна рождаться, исходя из целей исследования, а та или иная теория должна лишь предлагать основные точки в этих исследованиях. Именно на таком уровне мы с вами попытаемся рассмотреть теорию Нормана Фэркло.

Основной идеей Фэркло при работе с дискурсами является трехступенчатая модель для критического дискурс-анализа. В каждом речевом случае существует три измерения (выделение измерений характерно для КДА) :

-*Текст.* Лингвистическая составляющая дискурса. Слова, которые выстроены в некоторые последовательности.

-*Дискурсивная практика.* Текст не может быть абсолютно отдельным от уже существующих дискурсов. Дискурс вплетается в существующие дискурсивные категории на уровне, например, жанра. Это посредник между текстом и социальной практикой.

-*Социальная практика.* Какова роль этого дискурса в социальной практике. Иными словами, что делает этот дискурс на уровне социума? Он может либо воспроизводить порядок существующего дискурса, либо идти с ним вразрез и т.д.

Основная идея этой трехступенчатой модели заключается в том, что дискурсы нельзя рассматривать изолированно от других дискурсов. Дискурсы выстраиваются в некую сеть отношений, и именно на ней должен концентрировать внимание исследователь и сравнивать с ней положение того или иного дискурса.

В дальнейших исследованиях Фэркло, совместно с Чоулиораки, заменяет свою модель на новую¹. Если в трехмерной модели единый акт разбивается на составляющие, то в новой модели акты располагаются в своей особой логике. Когда мы делаем покупку в магазине, мы вступаем в экономические отношения, наряду с дискурсивными (речь). Таким образом, для анализа экономических отношений нам необходимо подключать науку экономику². С нашей точки зрения, это является шагом назад в связи с тем, что человек, вступая, например, в экономические отношения, уже определенным образом осведомлен о том, как это нужно делать. Он может опираться на существующие представления и реконфигурировать их в процессе интеракции. Такой человек не вступает в некие «потусторонние» экономические отношения, которые располагаются в мире идей, но совершает повседневный акт, исходя из своих представлений о том, как это нужно делать, исходя из чего мы будем выбирать ту или иную экономическую теорию? Может нам надо выбрать социально-экономическую теорию? Или нам нужно выбрать антропологическую

---

¹Там же. С.123

²Там же. С.124

теорию? У нас нет принципа выделения той или иной логики и формулирования подходящего для анализа этой логики инструментария. С нашей точки зрения, необходимо анализировать то, каким образом конкретные люди вступают в конкретные отношения в конкретных местах без привнесения различного рода теорий, призванных объяснять что-то несуществующее. В этом смысле трехступенчатая модель подходит лучше, так как позволяет считывать общие принципы вступления в отношения в подобных событиях. Исходя из этих общих принципов, анализ которых проводится благодаря качественным исследованиям, можно сделать вывод о статусе того или иного события.

Вернемся к трехступенчатой модели. Фэркло вводит такое понятие как *порядок дискурса*. «Порядок дискурса – это совокупность всех жанров и дискурсов, которые используются в определенной социальной области»¹. Мы можем проводить анализ той или иной социальной области, анализируя порядки дискурса. Например, мы можем исследовать практику легитимации аборт, которая крутится, в основном, вокруг дискурса о социальном благополучии.

Скопление различных дискурсов в одном артикуляционном событии Фэркло называет *интердискурсивность*. Когда появляются новые интердискурсивные комбинации – это говорит о том, что существуют дискурсивные и социокультурные изменения. В обратной ситуации, мы наблюдаем воспроизводство порядка. Интердискурсивность – это форма *интертекстуальности*. Интертекстуальность означает, что коммуникативные события основываются на более ранних событиях. Текст можно рассматривать как элемент в интертекстуальной цепи, в которой одни тексты основываются на других.

Таким образом, критический дискурс-анализ предполагает наличие социального контекста, а не сводит все к дискурсу. На шкале, предложенной Филлипс и Йоргенсен, КДА находится в середине. Также КДА не занимается специально повседневными дискурсами или исследованием порядков дискурсов, но концентрирует свое внимание на попытке одновременно схватить эти два различных измерения.

Дискурсивная психология.

Дискурсивная психология представляет собой определенную дискуссию с когнитивными исследователями. В пример приводятся такие когнитивные теории устройства сознания, которые одинаковым образом срабатывают в различных ситуациях.

---

¹Там же. С.126

Иными словами, неужели культура никак не влияет на устройство категорий? Дискурсивная психология отвечает, что влияет и достаточно сильно. На исследовании различного этнографического материала, дискурсивные психологи показывают, что мышление таких людей устроено совершенно иным образом. Все это не противоречит современным когнитивным исследованиям, которые предлагают очень сложное устройство сознания. Имея схожую с другими теориями конструкционистскую предпосылку, оказывается, что дискурс не только конструирует социальный мир, но он также конструирует и внутренний мир. Дискурсивная психология опускается на уровень повседневной жизни и исследует принципы категоризации тех или иных сообществ, групповые конфликты, установки и намерения акторов.

Подобно критическому дискурс-анализу, дискурсивная психология проводит различие между текстом и социальным контекстом, но это различие не является четким.

2.1.2. Классификация Т.Ван-Дека

Помимо того, что Т.А.Ван Дейк причисляется к самым ключевым исследователям дискурса, на данный момент, он также обычно причисляется к самым значимым классификаторам теорий дискурса¹. В своей работе «Справочник по дискурс-анализу»² Т.Ван Дейк предлагает дисциплинарно генетический подход. Так как дискурс-анализ с точки зрения КДА (Т.Ван Дейк представитель КДА) является междисциплинарным подходом, то и его становление представляет собой процесс включения в свою сферу анализа тех или иных элементов из других дисциплин. Поэтому Т.Ван Дейк не столько вводит классификацию, которая позволила бы нам ориентироваться в общем теоретическом поле, сколько хронологию.

Для удобства, мы будем представлять хронологию предложенную Т.Ван Дейком по пунктам:

- 1) Привлечение методов структурной лингвистики. Дейк говорит о том, что к ранним работам в данном направлении можно причислить В. Проппа и его работу «Морфология волшебной сказки»³, в которой Пропп показывает, что волшебная сказка обладает единым сюжетом, представленным в различных

¹Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом" Дискурс-Пи. – 2006.

²Van Dijk T. A. Handbook of discourse analysis //Discourse and dialogue. – 1985.

³Пропп В. Морфология" волшебной" сказки. – Лабиринт-К, 2007.

конфигурациях. Помимо Проппа, Дейк выделяет работы Леви-Стросса¹, когда Леви-Стросс пытается выделить дискурсивные сюжетные структуры в мифологии. Это ранний этап становления дискурсологии, который приходится примерно на 1930-е года.

2) Появление специализированных работ в 1960-е годы. Начинают публиковаться Р.Барт, У.Эко и другие. Благодаря тому, что к структурному анализу добавился семиотический, стали исследоваться продукты массовой культуры и массовой коммуникации².

3) В это же время (60-е годы XX века) появляются социально ориентированные теории дискурса, которые расширяют предметное поле до исследования культурных стилей, вербального искусства, бесед и т.д.

4) В 1970-е годы происходит институционализация дискурс-анализа. В этот момент возникают первые монографии, которые посвящены только дискурс-анализу как специальной междисциплинарной отрасли исследований.

5) В 1970-1985х дискурс-анализ становится все более автономным и однородным. Дискурс-анализ проникает в юридическое пространство, в исследование массовых коммуникаций и, вообще, вбирает в себя все большее количество объектов.

6) С 1980х начинается внутриотраслевая специализация. Появляются теории дискурса меньшинств, теории идеологического дискурса и т.д.

Таким образом, дискурс анализ уже практически полностью оформился в особую междисциплинарную сферу знания. В заключении работы, мы кратко коснемся этого вопроса.

---

¹Леви-Строс К. Структурная антропология. – DirectMEDIA, 1983

²Русакова О. Ф. Современные теории дискурса: опыт классификаций //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия " Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом" Дискурс-Пи. – 2006. С.11

2.1.3. Классификация Я.Торфинга

В своей классификации Якоб Торфинг, можно сказать, синтезирует историческую модель Т.Ван Дейка и концептуальную модель Л.Филлипс и М.В.Йоргенсен. В работе «Теория дискурса в современной политике» под редакцией Торфинга и Ховарта¹, Торфинг пишет большое введение, в котором описывает генезис современных теорий дискурса². Его основная идея заключается в том, что понятие дискурса развивалось во времени от сугубо лингвистической трактовки, до максимально широкой - постструктуралистской³.

Первое поколение теорий дискурса определяют дискурс в очень узком, текстуальном смысле. Такой подход рассматривает дискурс в основном в его семантических аспектах и изучает конкретный проговоренный или написанный текст. В этом же поколении можно найти теории, в которых происходит акцент на том, как конкретный человек производит дискурс. Можно обнаружить подходы, в которых исследователи проводят анализ использования словаря людьми, обладающими тем или иным социально-экономическим статусом⁴. К этому же поколению Торфинг относит дискурсивную психологию, которая смещает анализ на те или иные дискурсивные стратегии в конкретных диалогах. Такой узкий подход к определению дискурса не позволяет исследовать более общие дискурсивные структуры, идеологию или властные дискурсы, однако также позволяет обратить внимание на то, как в конкретном дискурсе могут задействоваться приемы оказания давления.

Во втором поколении теорий дискурса понятие дискурса расширяется до понятия набора социальных практик. В данный подход Торфинг включает критический дискурс-анализ (КДА), который был создан Фэркло и вдохновлен М. Фуко (Фуко концентрирует свое внимание не на конкретные развороты дискурса в тексте или речи, но на то, что вообще делает их возможными). Фэркло определяет наборы социальных практик как дискурсивные по той причине, что они содержат в себе семиотический элемент. КДА, в отличие от дискурсивной психологии, затрагивает аспекты анализа идеологического дискурса. В теории КДА остается неясным каким образом происходит соотношение дискурсивной и недискурсивной реальности⁵.

¹Howarth D., Torfing J. (ed.). Discourse theory in European politics: identity, policy and governance. – Springer, 2016

²Torfing J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. – Palgrave Macmillan UK, 2005. – С. 1-32.).

³См. параграф «Л.Филлип и М.В.Йоргенсен»)

⁴Downes W. (1984), Language and Society. London: Fontana

⁵Torfing J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. – Palgrave Macmillan UK, 2005. – С. 1-32.). P.7

Третье поколение расширяет понятие дискурса так, что теперь дискурс покрывает всю социальную реальность. Все дискурсивно по той причине, что значение зависит от децентрированной системы сконструированных правил и различий. Торфинг находит основу постструктуралистской теории дискурса в философии Иммануила Канта, когда тот говорит об опыте, как уже заранее пройденном через систему категорий¹.

2.1.4. Общая классификация теорий дискурса

Основным принципом различия в теоретических подходах является само понятие дискурса, которое встраивается в систему представлений о роли языка в социальной жизни. Опираясь на работы рассмотренных исследователей мы можем предоставить три различных понятия дискурса:

- 1) Дискурс – это порядок слов.
- 2) Дискурс – это текст или речь в социальном контексте.
- 3) Дискурс – любая семиотическая сеть.

Первое определение является сугубо лингвистическим, второе характерно для критического дискурс-анализа, третье – постструктуралистское.

Для социологического исследования дискурс-анализ становится интересным в тот момент, когда он становится включенным в отношения, которые выходят за пределы чисто лингвистических понятий. Только второе и третье определение дискурса могут быть реально включены в социологический анализ. Как отмечают мировые фигуры, на методологическом уровне второе и третье понимание дискурса практически ничем не отличаются².

---

¹ Ibid. P. 9

² Torfing J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. – Palgrave Macmillan UK, 2005

2.2. Методология дискурс-анализа в трудах Т.Ван Дейка

В одной из своих основных работ “Дискурс как структура и процесс”¹ Ван Дейк выделяет различные уровни или измерения дискурса. Эти измерения формулируются следующим образом: а) использование языка, б) обмен убеждениями, в) взаимодействие в социальных событиях. На основании этого измерения различные дисциплины концентрируются на множестве аспектов дискурса. Таким образом лингвистика изучает использование языка, психология концентрируется на изучении того, как происходит обмен убеждениями (beliefs), а социальные науки анализируют социальные взаимодействия. Целью исследования дискурса является предоставление целостного подхода, который будет связывать эти различные измерения. Для Ван Дейка эти измерения по отдельности не являются полноценными. Все уровни дискурса являются взаимосвязанными и влияют друг на друга. К примеру, в традиционной лингвистике, исследователь обычно не выходит за границы предложения, в то время как в дискурс-анализе это является необходимым, так как все предложения в дискурсе связаны.

Для Ван Дейка важно показать, что дискурс представляет собой не только текст, в смысле совокупности слов. Дискурс также включает в себя и другие формы выразительности в тексте (написанный дискурс) или речи. Относительно речи эти формы варьируются от интонационных аспектов проговаривания до выражения лица и размахивания руками. В тексте эти способы выразительности являют себя в форме предложения, которая не случайна и служит определенным целям, а также и в порядке самих предложений (супер-структура). Конфигурация этих средств выразительности в тексте или речи определяется как жанр. Различные науки занимаются детальными исследованиями средств выразительности текста или речи. Например, синтаксис занимается изучением свойств предложения, фонология занимается изучением звуковой структуры дискурса, риторика фокусируется на элементах, которые делают дискурс более внушительным (фигуры), а в книге “Discourse as structure and process” есть отдельная глава посвященная анализу графических аспектов дискурса. Очевидно, что с развитием исследований дискурса будет и развиваться понятийный аппарат, который будет позволять либо 1) более детально (аналитически) рассматривать составляющие дискурса, либо 2) собирать составляющие дискурса в более общие смысловые блоки (синтетически), которые будут совмещать в себе различные уровни анализа и концептуализировать их как

---

¹Van Dijk T. A. (ed.). Discourse as structure and process. – Sage, 1997. – Т. 1. - сборник статей под редакцией Т.Ван Дейка

отдельные единицы смысла.

В анализе смысловой составляющей дискурса, за основу берется семантика и вводится термин “семантическая репрезентация”. Семантическая репрезентация представляет собой единицу смысла, будь-то смысл отдельного слова, предложения или смысл целого дискурса. Также в семантике существует термин «пропозиция», который обозначает абзац или предложение. Ван Дейк предпочитает пользоваться данным термином, и, судя по всему, именно под ним и понимает смысловую единицу. Пропозиции выстраиваются в какой-то порядок и влияют друг на друга,- это называется *принципом дискурсивной реальности*, а сама взаимосвязь пропозиций – *когеренцией*. Также в дискурсе можно выделить топик – это то, о ком или о чем предложение. Когда речь идет, например, о Джоне, то Джон и будет являться топиком. Другое функциональное понятие в семантике и дискурс-анализе это «референт». Данное понятие выражает идею о том, что пропозиции локальных когеренций в дискурсе должны отсылать к связанным событиям. Референция является условием локальных когеренций. Если когеренция существует, то она уже представляет собой связанное событие, иными словами, будет иметь референт. Анализ смысловой составляющей дискурса можно описать как настройку микроскопа. Фокусируясь на более общие уровни анализа смысла в дискурсе, мы имеем дело с обобщенными смысловыми структурами (топиками), а детали становятся размытыми.

Ван Дейк выделяет и более общий уровень анализа дискурса. Если существует топик, то остается неясным, куда этот топик встраивается, ведь топик не является финальной единицей смысла. Ван Дейк вводит дополнительное понятие супер-структуры, о которой уже было упомянуто вскользь. Существуют конвенциональные и фиксированные средства выразительности, которые упорядочивают топиками. Простым примером будет служить то, что мы всегда знаем, когда дискурс «подходит к концу», это и будет примером элемента супер-структуры – *схематы*. Ван Дейк считает, что эти супер-структуры можно обнаружить и упорядочить, превратить в аналитическую категорию для анализа дискурса.

Более того, дискурс можно анализировать в понятиях социального действия и взаимодействия. В таком подходе особое значение уделяется контексту, в котором существует дискурс. Для этого существует специальный термин - «уместные условия», которые, по мнению автора, можно классифицировать. К примеру, условия такого речевого акта как обещание подразумевают определенную структуру организации высказывания. Когда человек обещает, подразумевается, что должно быть высказано нечто, что угодит реципиенту. Все, что связано с анализом контекста дискурса лежит в

отрасли под названием прагматика (pragmatics). На данном уровне происходит анализ не изолированных дискурсивных практик, а анализ речевых последовательностей. Например, могут выявляться прагматические когеренции, такие как попытка легитимировать первую часть предложения объяснением. Понятие обусловленности дискурса для Ван Дейка является очень важным. Стремление быть толерантным, как-то угодить или не обидеть очень сильно обуславливает способ построения текста или речи. Исходя из этих соображений, Ван Дейк определяет дискурс как текст или речь в социальном контексте, локальном и глобальном. Социальный контекст настолько важен, что аналитик дискурса всегда должен иметь дело с конкретными дискурсами, для того, чтобы была возможность максимально учесть контекст. Любые сформулированные идеальные типы дискурсов или его элементов могут в конечном итоге иметь совершенно другие функции в конкретном тексте или речи.

Помимо анализа социальной обусловленности и конкретного использования языка (как текста) существует еще и когнитивный аспект, о котором было упомянуто выше. Этот когнитивный аспект был обозначен как обмен убеждениями. Ван Дейк относит этот процесс к когнитивному, а не социальному измерению дискурса в связи с тем, что убеждения всегда существуют в качестве элементов индивидуального сознания. На этом уровне анализа индивидуальные дискурсы всегда имеют специфические структурные конфигурации. Если разные люди производят дискурсы в одинаковом социальном контексте, эти дискурсы будут отличаться, так как люди имеют различный репертуар знаний. С другой стороны, постоянно происходит обмен убеждениями и потому дискурсы существуют не только в качестве индивидуального знания, но и в качестве социокультурного знания. Также, на когнитивном уровне анализа большое внимание уделяется самому процессу понимания. Дискурс конструируется в режиме он-лайн, а потому анализ того, как люди понимают друг друга в конкретной ситуации, требует специфического подхода. Во время производства дискурса люди выстраивают ментальные модели не только текста или контекста, но и того, о чем сам дискурс. Ван Дейк приводит в пример прочтение новостной сводки, которая будет фигурировать в дискурсе только в качестве основания конструирования нового дискурса. На данном уровне анализа сознание имеет значение в той степени, в которой оно фигурирует в дискурсе.

Помимо этого, в сборнике формулируются основные правила проведения анализа дискурса.

- С точки зрения автора, дискурс анализ должен иметь дело с естественным текстом или речью, чего часто не делает философия или лингвистика.
- Не нужно забывать про анализ контекста дискурса.

- Необходимо анализировать не только написанный дискурс, но и речь.
- Нужно уметь анализировать стоящие за конкретным дискурсом социальные структуры, так как люди являются членами групп, институций, культур.
- Исследователь дискурса не должен безапелляционно накладывать свои аналитические категории на дискурс, нужно обращать внимание на то, как мир категоризируется с точки зрения самого дискурса.
- Нужно не забывать, что дискурс производится в онлайн режиме и может реинтерпритировать свои собственные значения, или опираться на предыдущие.
- Несмотря на то, что дискурс разворачивается последовательно, его структура не хаотична. Он включает в себя функциональные элементы иерархически более высоких дискурсов, и это необходимо учитывать.
- Аналитики дискурса, как правило, должны раскладывать дискурс на различные уровни, для того, чтобы потом снова его собрать.
- Аналитик должен задаваться вопросом о том, почему что-либо в дискурсе имеет значение в данном контексте, и зачем что-либо в дискурсе сказано или подразумевается.
- Исследователь должен отслеживать то, каким образом выстраиваются правила дискурса. Они могут меняться, игнорироваться, соблюдаться и т.д.
- Помимо правил, существуют еще и стратегии выстраивания дискурса, которые позволяют достигать какие-либо цели. Эти стратегии также необходимо отслеживать.
- Важно учитывать роль социальных убеждений и знаний в анализе дискурса.

Дискурс-анализ, с точки зрения Ван Дейка, является самостоятельной дисциплиной. В сборнике “Дискурс как структура и процесс”, осуществляется попытка отделить анализ дискурса от других дисциплин. Дискурс анализ имеет свою историю и свой подход, который является не только междисциплинарным, но и самостоятельным. Этот подход способен рассматривать как различные измерения дискурса по отдельности, так и собирать их воедино. Это и является основным преимуществом дискурс-анализа как самостоятельной дисциплины перед остальными науками, которые концентрируются только на каком-то одном измерении дискурса. Подход Теуна Ван Дейка позволяет анализировать то, каким образом люди используют язык, думают и взаимодействуют, а также, каким образом они воспроизводят группы, общества и культуры. Стоит отметить, что критический дискурс-анализ¹, в основном концентрируется на властно-политической и идеологической природе дискурса, пытаясь высмотреть в дискурсах отношения неравенства, доминирования, дискредитирования и т.д.

---

¹Ведущими представителями КДА являются: Норман Фэркло (Norman Fairclough), Рут Водак (Ruth Wodak), Теун А. ван Дейк (Teun A. Van Dijk), Пол Чилтон (Paul Chilton), Гюнтер Кресс (Gunter Kress), Мишель Пешо (Michel Pecheux), Кристина Шафнер (Christina Schäffner), Лили Чоулиораки (Lilie Chouliaraki).

2.3. Теория дискурса в работах Р.Барта

Французский философ, социолог и семиотик Р.Барт является одной из самых влиятельных фигур в семиотике и уже давно причислен к ряду выдающихся классиков. Сам Барт мыслил себя как постструктуралиста, воспринимая общество как совокупность трущихся дискурсов¹, однако у него выделяют несколько этапов творчества, среди которых постструктуралистский – последний. Такие работы как, например, «Система моды»² или «Риторика образа»³ были написаны Бартом в более ранние периоды творчества, но от этого они не перестают терять своей ценности. Методология Р.Барта очень хорошо попадает в новое антропологическое течение, о котором мы писали в первой главе. Коротко выражаясь, в своей семиологии, Барт предлагает серьезную методологию, однако, это методология не зиждется на метафоре естественных наук. Кратко опишем характеристики, присущие методологическому лагерю, к которому принадлежит Р.Барт.

2.3.1. Методологические основания семиотического подхода Р.Барта

В работе «Нового времени не было»⁴ Б.Латур показывает, как появляется представление о вещах, которые сами нам говорят о своем устройстве в лабораториях, якобы, без вмешательства человека. Не вдаваясь в тонкости исследования Латура, просто укажем на тот факт, что дистанцирование от объекта исследования есть необходимый шаг в исследовании вещей. Только тогда предполагается, что вещи говорят сами. Однако, как показывает Латур, эта ситуация является вымышленной и лживой, так как наделение чего-либо статусом вещи или истинного знания зависит от интересов наделяющих. Нового времени не было, так как никто никогда не жил по объявленной нововременной конституции. В наше время даже физика элементарных частиц вынуждена пересмотреть необходимость и возможность операции дистанцирования, однако, такой подход порой остается все еще востребованным в социологии. Всем известна одна из «величайших»

¹Барт Р. Семиологическое приключение//Ролан Барт о Ролане Барте //Москва. – 2002.

²Барт Р. Система моды //Статьи по семиотике культуры. Перевод с фр. СН Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых. – 2003. – Т. 512.

³Барт Р. Риторика образа //Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.–М.: Прогресс. – 1989. – С. 297-318.

⁴Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии //СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. – 2006.

социологических проблем, наряду с проблемой индивидуализм-холизм и др., что социолог, исследуя общество, сам является элементом этого общества. Такая проблема предполагает стремление социологии представить свой объект исследования как вещь, как то, на что можно смотреть дистанцированно. Именно на это дистанцирование указывает расхожее разделение на субъективное и объективное знание, которое, вероятно, имеет мало чего общего с философским разделением на субъект-объект. В конечном счете, разделение на субъективное и объективное знание начинает работать по принципу категорий естественного языка, где чутье и опыт должны нам подсказать, объективно ли то или иное исследование или нет. Если мы хотим сделать объективное исследование, то мы должны максимально забаррикадироваться четкой методологией, прописанными шагами для выполнения того или иного исследования, подсчетами и цифрами, в общем тем, что выглядит как объективное получение знания для тех, на кого рассчитан спектакль (например, комиссия на защите диссертации или работодатель). В конечном итоге задача сводится к созданию такого инструментария, что даже ребенок смог бы провести исследование, следуя указанным шагам. Любые внесения «субъективного» должны тщательно маскироваться. Такой инструментарий можно рассматривать как машину, которая исключает человека из исследования в надежде, что без человека общество само заговорит, подобно вещам в лаборатории. Однако, попытка дистанцироваться в социологии выглядит скорее как стремление замести следы, опасаясь разоблачения. Ведь в действительности невозможно исключить «субъективный» (то, что называется субъективным) элемент, невозможно создать полностью априорную дистанцированную социологическую машину. Не вдаваясь в тонкости, просто заметим, что для понимания представлений об объективности и субъективности в исследованиях (например, на прикладной кафедре социологии СПбГУ) требуется отдельное исследование, которое может дать интересные результаты. Помимо исследования категорий субъективного и объективного, было бы интересно проанализировать дискурсивные принципы легитимации этих категорий как рациональных. Когда произошел антропологический поворот и дуалистическая антропология сменилась целостной, человек перестал быть подобен вещи. Из-за этого изменились и сами принципы исследования человека в его социальном аспекте. Фундирующая метафора социологии как социальной физики (позитивистская метафора) перестает иметь влияние, и социология разрабатывает свой уникальный инструментарий, располагаясь в интерсубъективной или событийной сфере, что описывается в первой главе. В такой перспективе Р. Барт является очень современным исследователем.

Обращаясь к методологии Р. Барта можно заметить, что он совсем не стремится забаррикадироваться объективностью. Ребенок или робот никогда не смогут провести семиотического исследования, так как для проведения исследований, которые проводит Р.Барт, необходимо владеть коллективным семиотическим кодом и уметь его схватывать и различать. Когда в «риторике образа» Барт исследует рекламу «пандзани», он снимает семиотические слои один за одним, но по сути, он просто исследует своё собственное впечатление от образа. Но так как он является носителем коллективных кодов, его исследование может притязать на универсальность. То же самое происходит в «системе моды» и других его семиотических работах. В своей последней работе “Camera Lucida”¹, Р.Барт заходит уже слишком далеко и вводит систему различений для анализа фото, которая опирается на его собственные эстетические ощущения. Семиотика, все же, предполагает анализ коллективных кодов. Нам кажется, что основная проблематика в исследованиях интерсубъективности будет вращаться не вокруг объективности или субъективности полученного знания, но вокруг того, насколько те или иные представления в нас являются коллективными, что немного в другом ракурсе разворачивает проблему социо гуманитарного познания.

2.3.2. Типы дискурсов в теории Р.Барта

В своей теории дискурсов Р.Барт выделяет два типа дискурса: энкратический и акратический². Такое различение Р.Барт вводит для анализа социологических, языковых комплексов, характерных для тех или иных социальных групп. Энкратический дискурс – это дискурс внутривластный. Он пропитан доксой (общепринятое мнение). Такой тип дискурса структурируется кодами, присущими большинству. Энкратические дискурсы не представляют интереса для Р.Барта, так как очень редко не оправдывают ожиданий. Энкратический дискурс не чувствителен к вульгарности и воспроизводит идеологические коды. Поддерживаясь властью, такой дискурс влияет на все социальные ритуалы, формы досуга, товарообмен и структурирует всю символическую сферу. Такой дискурс скрывает свою системность, прикрываясь очевидностью и природностью, прикрываясь здравым смыслом. В свою очередь, акратический дискурс обладает куда большим многообразием в своих проявлениях. Акратический дискурс не выступает против власти, он кодируется принципиально другим образом. Акратический дискурс это язык писателей, философов,

¹Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии //М.: Ad marginem. – 1997. – Т. 224.

²Барт Р. Разделение языков //Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/Р. Барт. – 1989. С.531

исследователей. Такой язык, как пишет Барт, парадоксален, так как лежит вне доксы. Акратические дискурсы не принимаются энкратическим, который клеймит их как жаргоны. В свою очередь, акратический дискурс также выставляет ограды, помещая своих носителей в безопасную языковую зону. Каждый из этих двух социологических проектов стремится заставить другие замолчать, так как дискурсы существуют в условиях борьбы. Даже невоющий дискурс будет воевать против воющих.

2.4. Бирмингемская школа дискурс-анализа

Бирмингемская школа дискурс-анализа имеет и другое название – «Культурные исследования» (Cultural studies). Основными представителями данного направления являются С.Холл, Д.Хартли, Д.Фиск, А.Макробби и др. Подобно КДА или теории дискурсов у Р.Барта или «генеалогического» М.Фуко, важнейшим элементом для школы культурных исследований является концентрация на пропитанности дискурсов идеологическим кодом. Если пытаться дать краткое описание Бирмингемской школе, то можно предложить следующее – «Неомарксисты-постструктуралисты». Постструктуралистское в их теории то, что значения никогда не бывают окончательно зафиксированы, а текст понимается предельно широко. Эту идею, как принято считать, они взяли из теории Н.Волошинова¹. В своих работах Волошинов не только говорит о нефиксируемости знака вне социального контекста, но и отмечает то, что сам знак становится ареной классовой борьбы².

Культурные исследования базируются, в основном, на теории идеологической гегемонии А.Грамши³. Основной принцип работы идеологии заключается не в том, что идеологическая машина оказывает давление против которого сложно сопротивляться, но в том, что идеология способна формировать сферу здравого смысла, иными словами, показывать определенное положение дел как очевидное. Однако, идеология никогда не существует в монолитной форме, различные сообщества по-разному ею «пропитываются». Интеллектуальная элита, например, отличается в своих теоретических построениях от широкой массы, которая ухватывает, в основном, разрозненные элементы идеологического текста. С точки зрения современных «культурных исследований», средства массовой коммуникации рассматриваются как источники идеологической

¹Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. – Лабиринт, 1993. – Т. 3.

²Волошинов В. Н., Васильев Н. Л., Юнов Д. А. Философия и социология гуманитарных наук. – Изд-во АСТА-ПРЕСС, 1995. С.236

³Помимо А.Грамши, на «культурные исследования» большое влияние оказал Л.Альтюссер, описывая идеологию как относительно автономную практику.

гегемонии, которые растворяют буржуазную идеологию, превращая её в дискурсивные формы здравого смысла для обывденного человека.

Основной работой в культурных исследованиях считается статья С. Холла - «Кодирование/декодирование»¹. Задачей дискурса является закрытие значения, сведения смыслового многообразия к некой определенности. В теории С. Холла это и есть кодирование. Однако, Холл концентрируется на идеологической компоненте, поэтому кодированием оказывается не просто закрытие значения, но закрытие значения в соответствии с господствующей идеологией. Благодаря данному процессу, идеологический код становится очевидным и попадает в сферу здравого смысла, в связи с чем формируется «гегемонистский культурный порядок»². Однако, основное внимание в теории Холла уделяется декодированию. То, каким образом было закодировано сообщение, очень сильно отличается от того, как оно декодируется. Если же акт кодирования и декодирования не отличаются друг от друга, это означает, что аудитория целиком использует гегемонистские коды, а, следовательно, полностью пропитана буржуазной идеологией. В этой ситуации сообщение доходит без искажений и реципиент может испытать *удовольствие от узнавания*, когда он узнает себя в навязываемом дискурсе. Такая ситуация является крайне редкой. Обычно культурные исследователи наблюдают одновременно согласие с доминирующим гегемонистским порядком и несогласие с локальным положением дел. Субъекты могут не соглашаться с тем, что им предписывается, но быть согласными с общей буржуазной идеологией.

Для культурных исследователей очень важным актом является *семантическая герилья*, когда декодирование происходит радикальным образом. В такой ситуации реципиент занимает радикально противоположную доминирующему дискурсу позицию. Главная задача культурных исследований состоит в том, чтобы научить аудиторию проводить семантическую герилью.

Слабым местом в теории культурных исследований является то, что они не определяют четким образом как конкретно реализуется идеология в дискурсе. Она там *предполагается*. Сторонники британской школы дискурс-анализа заходят в своих размышлениях порой слишком далеко, объявляя о наличии гегемонистского кода не только в дискурсах, но даже в жанрах или медиумах. То, что дискурс написан в газете уже означает, что он пропитан идеологическим кодом вне зависимости от содержания. В таком ключе осмысливается вообще роль медиума в массовых коммуникациях. Возможно,

¹Hall S. Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works. L., Blackwell Publishers. 2001.

²Дьякова Е.Г. Теория дискурса в британской школе культурных исследований //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия " Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом" Дискурс-Пи. – 2006.

бирмингемская школа когда-нибудь поставит под вопрос структуры рациональности как таковые и объявит, что небуржуазно-гегемонистским содержанием может обладать только чистая бессмыслица и именно так должна реализовываться герилья?

Выходя в чистое отрицание гегемонистского порядка, бирмингемская школа культурных исследователей отказывается от базовой конструкционистской интуиции о равенстве дискурсов. Культурные исследования наделяют истинностью и привилегированностью оппозиционный дискурс. Однако, они делают это не после того как было проведено исследование¹, но до него, тем самым значительным образом обуславливая его. В этом смысле, бирмингемская школа, будучи изначально довольно маргинальным направлением в дискурс-анализе, действительно стоит особняком среди современных теорий дискурса.

2.5. Теория речевых актов в работах Д.Остина и Д.Серла

Если мы будем причислять теорию речевых актов к какому-то теоретическому «лагерю», то это будет лагерь дискурсивной психологии. Впервые понятие «речевой акт» появляется в статье Д. Остина «Как говорить. Несколько простых способов» в 1953г.². Остин обнаруживает то, что называется перформативными (perform - совершать, исполнять) высказываниями. Перформативные высказывания это такие высказывания, которые сами по себе являются действием. Например, когда отец разрешает сыну что-то сделать, он говорит ему: «Разрешаю». Своим словом он снимает запрет на что-то. Но любое слово можно истолковать как определенного рода действие, поэтому интуитивно схватываемое различие очень тяжело поддавалось какой-либо концептуализации. Например, можно усмотреть разницу в том, что высказывания могут быть истинными или ложными, тогда как перформативные высказывания – вне этой системы координат. В итоге, Остин приходит к совсем другому принципу различения и выделяет в каждом речевом акте три составляющих : «(1) локутивную (включающую как фонетический, так и смысловой аспекты), (2) иллокутивную (указывающую на то, что мы, собственно, делаем, произнося ту или иную фразу) и (3) перлокутивную, касающуюся последствий этого акта»³. С точки зрения одного из самых влиятельных современных аналитических

¹Как того желал М. Веббер, отделяя *субъективные* предпочтения от *научных* изысканий, когда описывал свой социологический журнал.

²Austin J. L. How to talk. Some simple ways //Proceedings of the Aristotelian Society. – Aristotelian Society, Wiley, 1952. – Т. 53. – С. 227-246.

³Васильев В. В. Трудная проблема сознания //М.: Прогресс-Традиция. – 2009. – Т. 272. С.45

философов Д. Сёрла, Остин не предлагает никакой приличной классификации этих речевых актов, такую задачу поставил перед собой Сёрл. Д. Сёрл решил классифицировать речевые акты. С его точки зрения, необходимо исходить не из конкретных речевых актов (как это делал Остин), но из какого-то фундаментального принципа их функционирования. Подобно тому, как Кант выводил категории рассудка, считая, что Аристотель делал это подхватывая их по мере того, как они ему попадались¹, так и Сёрл стремился классифицировать речевые акты, исходя из чего-то общего, а не частного. В итоге, он вышел на проблемы функционирования сознания, считая, что философия языка должна быть её частью и, можно сказать, основал философию сознания. Ответ на вопрос о классификации необходимо искать в интенциональной структуре мышления (Брентано, Гуссерль и т.д.). Самой важной для себя работой Сёрл считает «Интенциональность: Эссе по философии сознания», опубликованную в 1983 году², но там Сёрл не углубляется в феноменологию интенциональных состояний. В книге «Сознание, язык и общество», Сёрл уделяет большее значение необходимой нам теме. Речевые акты по Сёрлу различаются по интенциональной ориентации. Иллокутивный акт интенционален, тогда как перлокутивный – не обязательно. Мы можем раздражать кого-то или кого-то убедить, при этом не имея намерения это сделать,- это перлокутивная составляющая акта, тогда как иллокутивная – это то, что мы сделали намеренно. Иллокутивная составляющая акта - это единица смысла в коммуникации³. Сёрл приходит к выводу, что их может быть пять и только пять, исходя из структуры сознания и феноменологии интенциональности⁴:

1) Ассертивный акт (to assert - утверждать). Такой акт указывает на некое положение дел и всегда выражают человеческое убеждение. Ассертивный акт может быть опознан по постановке вопроса об истинности или ложности высказывания.

2) Директивный акт (to direct - приказывать). Иллокутивная составляющая директивного акта проявляется в том, чтобы заставить слушающего вести себя таким образом, который был указан в высказывании. Директивы это: просьбы, требования и т.д.

3) Коммиссивный акт (to commit oneself – обещать, связывать себя обязательствами). Коммиссивный акт связан с обещанием претворить в жизнь то, что было сказано в утверждении: обещания, угрозы и т.д.

¹Кант И. Критика чистого разума/Иммануил Кант;[перевод Н. Лосского. Сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. Примечания Ц. Арзаканяна] //М.: Мысль. – 1994.С.84

²Searle J. R. Intentionality: An essay in the philosophy of mind. – Cambridge University Press, 1983.

³Ibid.P.137

⁴Ibid.P.148

4) Экспрессивный акт. Эти акты связаны с выражением искренних переживаний, внутреннего эмоционального положения дел: Извинения, выражения признательности, приветствия и т.д. - Сёрл говорит о том, что они являются искренними только в том случае, если человек неподдельно выражает сожаление или радуется о чужих достижениях. В этих высказываниях есть предположения о некоем положении дел, которые не ставятся под вопрос. Например, когда мы приветствуем человека, мы предполагаем (не оговаривая), что он пришел к нам в гости.

5) Декларативы. В декларативах, иллокутивная составляющая заключается в намерении изменить некое положение дел объявляя о том, что она уже совершилась. Перформативные высказывания, указанные выше, относятся в эту категорию. Сюда относятся такие примеры как объявление войны, объявление о становлении мужем и женой и т.д. Если декларатив успешен, то тогда происходит изменение некоего положения дел.

Сёрл говорит о том, что бывают непрямые речевые акты. Например, когда я не прямо прошу человека передать мне соль, но просто говорю: «соль». Из контекста становится понятна моя директивная интенция. Также эти акты могут «преломляться» такими фигурами как метафора, метонимия, ирония, сарказм, гипербола и преуменьшение.

Значение работ Сёрла в анализе языка тяжело переоценить. Теория речевых актов, безусловно, может быть очень продуктивной как в общем анализе социальной реальности (социальной онтологии), так и в исследованиях повседневной интеракции, в рамках дискурсивной психологии.

2.6. Теория языка в трудах Н. Хомского

Ноам Хомский является одним из самых влиятельных мыслителей современности. Он совершил значительный вклад как в теорию языка, так и в политическую философию (он отстаивает анархизм и критикует свою страну - Америку). В данной главе мы будем рассматривать языковую теорию Хомского, а также коротко затронем его вклад в философию сознания, без которой, очень часто, невозможно представить себе фундаментальную теорию языка.

В своей работе «Картезианская лингвистика»¹ Хомский показывает, что Рене Декарт (Картезий) был очень продуктивным во многих вопросах, в том числе, и в

¹Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли //М.: КомКнига. – 2005.

вопросах языка. Несмотря на то, что Декарт в своих работах уделяет языку мало внимания, ему все же удается сказать значимые для Хомского вещи. Автор показывает, что способность владеть языком является фундаментальной способностью человека, что отличает его от животного или машины. Декарт в изложении Хомского показывает, что «нет людей настолько тупых и глупых, не исключая и полоумных, которые не смогли бы связать несколько слов и составить из них речь, чтобы передать свою мысль. И напротив, нет другого животного, как бы совершенно и одарено от рождения оно ни было, которое сделало бы нечто подобное»¹. Декарт причисляет животных к тем же самым механизмам (автоматам) в своей развитой системе спекулятивной физиологии. Подкладывая теорию языка Декарта в основу своих размышлений, Хомский показывает, что идеи современной лингвистики можно найти еще у древних мыслителей.

Когда мы говорим что-то друг другу, то мы не просто сообщаем другому человеку набор несвязанных между собой звуков, но передаем некие смыслы. Декарт описывает это как стремление вызвать идеи в чужом сознании, которые бы были идентичны идеям в нашем. Можно сказать, что в нашем сознании есть некий семантический блок, нечто, что отвечает за понимание. В своих размышлениях об этом семантическом блоке Хомский приходит к тому, что у человека от рождения есть некая автономная языковая способность². Эта автономная языковая способность представляет собой некий языковой фундамент, который подкладывается под любой текст. Можно сказать, что синтаксис (принципы организации знаков между собой) различен, но сам язык всегда один и тот же. Хомский, например, приводит в пример детей, которые создают свои уникальные языки со сложным синтаксисом. Так же его удивляет колоссальная способность ребенка к быстрому усваиванию языков, что с его точки зрения показывает, что существует некая врожденная фундаментальная языковая структура.

Хомский приводит в пример различные языки и то, как они накладываются на эту языковую структуру, которую автор называет глубинной структурой. Глубинная структура есть и у Декарта. Она рождается на основе фундаментального декартовского дуализма: есть мышление, а есть протяженные вещи. Подобно этому существует синтаксис (внешнее выражение языка) и семантика (смыслы). Хомский приводит в пример то, каким образом устроены эти уровни языка на многих примерах. Приведем цитату из Арно Лансо: «Среди предложений, в которых как субъект, так и атрибут состоят из нескольких слов, встречаются предложения, содержащие, по крайней мере в нашем сознании (*dans nostre*

---

¹Там же. С.24

²Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Litres, 2014. С.241

esprit), несколько суждений, каждое из которых можно превратить в отдельное предложение. Когда я говорю: «Dieu invisible a créé le monde visible - Невидимый Бог создал видимый мир», - в моем сознании имеют место три суждения, заключенные в приведенном предложении. Ибо, во-первых, я выношу суждение, что Бог — невидим; во-вторых, что он создал мир, и, в-третьих, что мир — видим. Из этих трех предложений главное — второе; именно оно содержит самое существенное в рассматриваемом предложении, а первое и третье всего лишь превходящи, т. е. являются частями главного; первые составляют его субъект, а последние – атрибут»¹. Глубинная семантическая структура приведенного в пример высказывания состоит из трех утверждений. Хомский приводит много других примеров того, как конкретно можно вычленять глубинную структуру и показывает, что различные исследователи делают это по-разному, но суть всегда остается одной и той же, что опять же доказывает существование глубинной структуры. В связи с этим, можно вспомнить интересный проект Г. Гарфинкеля, когда он исследует мир повседневного дискурса. Гарфинкель просил своих студентов записывать речь, например, свои родных, а рядом пояснять, что за этим стоит². Это тоже является выделением неких внешних языковых конструкций и более глубоких семантических построений. Только когда мы говорим о повседневности, включается еще и контекстуальный элемент, который раздувает семантические ряды до невероятных масштабов. Студенты Гарфинкеля говорили о том, что это задание было мучительным для них, так как писать приходилось слишком много. Когнитивный ход, который делает Хомский, выделяя два уровня языка, является, безусловно, продуктивным как в лингвистической среде, так и в социологической. Хомский считает, что его роль заключается в актуализации уже существующих представлений у ряда авторов до него. Это необходимо для того, чтобы продолжить развитие важных тем.

Интересно, что то, каким образом Хомский понимает сам себя, отличается от того, как его понимают другие исследователи. Если в «картезианской лингвистике» Хомский считает, что язык выражает наши общие семантические различия, которые присущи нашему сознанию вообще, то исследователи-лингвисты³ видят в его теории некоторые проблемы. Эти проблемы можно сформулировать следующим образом: Хомский отстаивает то, что существует автономная языковая способность. Эта языковая способность не просто встраивается в общие когнитивные способности (какое

¹Хомский Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли //М.: КомКнига. – 2005. С.75

²Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии //СПб.: Питер. – 2007.

³Лакофф Д. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Litres, 2014. С.241

впечатление создается от «картезианской лингвистики»), но выделяется в некий отдельный мыслительный кластер – автономный модуль. С точки зрения Д. Лакоффа, такое выделение необходимо для генеративной лингвистики, чтобы сохранить базовую метафору, а именно то, что грамматика есть формальная система¹. «Формальная система представляет собой набор правил вывода, которые сохраняют подобие алгоритмического вычисления»². Формальная система, в свою очередь, не чувствительна к семантическим различиям. Такой взгляд на Хомского полностью разрушает его картезианский пафос, отделяя язык в какую-то отдельную когнитивную сферу, что на Хомского совсем не похоже в «картезианской лингвистике». С другой стороны, Хомский открыто признавал тот факт, что за язык отвечает отдельный модуль сознания³. Этот автономный языковой модуль опосредованно связан с другими способностями человека. Ученики Хомского, Д.Фодор и С.Пинкер, уже развивали модульную теорию сознания, где языковой модуль является лишь одним из многих других. В свою очередь, Фодор склонялся к тому, что существует не модульная, интегральная часть сознания⁴, тогда как Пинкер был более радикальным в данном вопросе⁵.

В работе «язык и мозг»⁶, Н. Хомский поднимает общую проблематику философии сознания, затрагивая то, что в аналитической философии называется «трудной проблемой сознания», а именно, соотношение сознания и мозга. Хомский выделяет лишь два варианта развития событий: 1) сознание и мозг связаны, 2) сознание и мозг не связаны. Конечно, в философии сознания выделяется куда большее количество подходов, например Ч.Д. Брод выделяет 17 возможных подходов⁷. Хомского интересует не столько решение этой проблемы вообще, но скорее некий прикладной вариант работы с этим. Автор указывает на то, что картезианцы разработали технологии, которые позволяют отличить, наделено ли другое существо сознанием или нет. В современном дискурсе это называется «тест Тьюринга». Немного затронем данный вопрос.

Когда мы общаемся с другим человеком, мы «чувствуем», что он обладает сознанием. В человеке есть некая творческая порождающая сила, человек способен понимать и мыслить, он может оперировать языком как захочет и т.д. В общем, когда мы общаемся с человеком мы понимаем, что он не робот. Это и есть тест Тьюринга. Он может

¹Там же.

²Там же. С.242

³Chomsky N. Reflections on Language. N. Y., 1975. P. 35, 123

⁴Fodor J, The Mind Doesn't Work That Way: The Scope and Limits of Computational Psychology. Cambridge MA, 2001 (2000). P. 5, 55–78

⁵Pinker S. How the mind works //Annals of the New York Academy of Sciences. – 1999. – Т. 882. – №. 1.

⁶Хомский Н. Избранное//Язык и мозг. - Энциклопедия.ру 2015. С.595

⁷Broad C. D. The mind and its place in nature. – Routledge, 2014

реализовываться в различных конфигурациях, в данный момент он реализуется примерно так: человек общается с другим человеком/компьютером в анонимном чате. Скорость отклика фиксированная, для того, чтобы человек не смог понять по скорости отклика кто перед ним. Потом человеку предлагается вынести суждение о том с кем он общался, с человеком или автоматом. Из этого можно сделать заключение, что если перед нами такой робот, который ведет себя как человек (по крайней мере мыслит), то на каком основании мы не будем приписывать ему сознание, которое подобно нашему? Существуют различные контраргументы, но самым интересным, на наш взгляд, является аргумент «китайской комнаты», предложенный Д. Сёрлом в 1980 году¹. Этот контраргумент показывает, что если бы мы сами стали программой, то мы бы ничего не понимали из происходящего так, как мы это понимаем сейчас. Представим, что человек сидит в комнате, в которую поступают китайские иероглифы, которые он не понимает. У человека есть инструкции, какие иероглифы выдавать на выходе при получении тех или иных иероглифов на входе. Если инструкции будут достаточно полными, то такая машина, возможно, смогла бы пройти тест Тьюринга, но при этом сама программа – человек, продолжал бы ничего не понимать. Споры о тесте Тьюринга и сильном и слабом ИИ продолжаются до сих пор. Как мы видим, Хомский с необходимостью касается проблем сознания с различных ракурсов.

Рассуждая о языке, мы неизбежно будем затрагивать вопросы сознания, будь-то сложные вопросы или простые. Этого не избежал Хомский. Он затронул как трудную проблему соотношения «сознание тело» в картезианском варианте, так и создал модульную теорию функционирования сознания, где язык представляет собой особый модуль, так как язык не может быть объяснен бихевиористскими теориями (хомский в свое время спорил с Б.Ф. Скиннером, и способствовал краху бихевиоризма). Подобный путь прошел аналитический философ Сёрл, который в попытках систематизировать речевые акты с необходимостью пришел к размышлениям о состояниях сознания, основав, тем самым, философию сознания.

2.7. Легитимация науки в теории Ж.Ф.Лиотара

В отношении истины поздний Витгенштейн считал, что есть языковые игры, позволяющие отделить истинные высказывания от ложных, и поэтому необходимо фокусироваться именно на их изучении, нежели задаваться вопросами реальной

¹Searle J. R. Minds, brains, and programs //Behavioral and brain sciences. – 1980. – Т. 3. – №. 03. – С. 417-424.

истинности. Витгенштейн называет это функцией истинности. М. Фуко выделял единый дискурсивный принцип, который лежит в основании познания. Этот дискурсивный принцип М. Фуко называет эпистемой. Она пронизывает всё гносеологическое поле и способна принимать различные формы в истории. Современные социологи Б. Латур и С. Вулгар рассматривали производство научного знания как практики «племен ученых», которые ничем не отличаются от других типов племен¹. Ученые в лабораториях производят дорогостоящие тексты, но помимо текстов они производят и сами предметы вместе с предметами. На вопрос о том, где были микробы до Л. Пастера, Латур отвечает, что «после 1864 года они были всегда»², как и сам Пастер после своего рождения.

В условиях отсутствия истины, наука встречается с необходимостью искать новые способы легитимации. Если ученые не открывают истину, то что они делают? Теперь наука вынуждена рассказывать новые истории, но какие они будут и какими были раньше? В своей работе «Состояние постмодерна»³, Ж.Ф. Лиотар глубоко исследует этот вопрос.

Ж.Ф. Лиотар выделяет две общественные сферы: нарративную и научную. Нарративная сфера представляет собой сферу рассказа, где задействуются все типы языковых игр. В основном он концентрируется на сказках, историях, песнях. Все это можно описать как нарративы, которые устанавливают границы нормы, да и вообще, являются центральным регулирующим культурным компонентом. Наука, с данной точки зрения, также выступает как определенный пучок дискурсов, но принципы их функционирования существенно отличается от нарративной сферы. Количество языковых игр и высказываний в научной сфере редуцируется до одной. Наука стремится формировать только денотативные, истинные высказывания. «Научное знание, - пишет Ж.Ф. Лиотар, требует выбора одной из языковых игр – денотативной, и исключения других. Критерии приемлемости высказывания – оценка его истинности. Конечно, мы встречаем здесь и другие классы высказываний: вопросительные («Как объяснить, что...?»), и прескриптивные («Предположим, дан исчислимый ряд элементов...»), но они здесь служат только для сочленения диалектической аргументации, и последняя должна завершиться денотативным высказыванием»⁴. Это означает, что наука стремится высказать истину, однако истинность или неистинность высказывания лежит в существующем дискурсивном поле и определяется правилами установления истины. Таким образом,

¹Ло Д. После метода: беспорядок и социальная наука/пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред //С. Гавриленко. М. – 2015.

²Latour B. Pandora's hope. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999

³Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. – 1998.

⁴Там же. С.66

появляется парадигма, которая определяется Лиотаром как правила консенсуса. Научная сфера сама решает, что является истинным, а что нет, в связи этим появляются приемлемые и неприемлемые высказывания. «Аристотель, несомненно, один из самых современных мыслителей, когда отделяет описание правил, которым должны подчиняться высказывания («Органон»), от исследования их легитимности в рассуждении о Бытии («Метафизика»)»¹. Таким образом, Лиотар видит Аристотеля как отрефлексировавшего эти, казалось бы, новые идеи. Очевидно, что рано или поздно встанет вопрос о том, почему доказательство верно? Кто сказал, что эти выдуманные правила являются верными? И тут запускается новый способ аргументации, апелляция к компетентным лицам, которые тоже являются носителями парадигмы. «Истинность высказывания и компетенция высказывающего зависит, таким образом, от одобрения коллектива равных по компетенции. Следовательно, нужно формировать равных»². Существует набор дискурсивных приемов, которые, как уже отметил Витгенштейн, отличают истинные высказывания от ложных. Стремление науки формулировать деннотативные высказывания не может быть достигнуто полностью, оно лишь трансформирует социальную структуру деннотатоцентричного сообщества и его дискурсивную структуру.

Что же будет легитимацией научного знания в обрисованной Ж.Ф. Лиотаром системе координат? Это будет стремлением научной сферы убедить нарративную сферу в легитимности своего существования. Но это невозможно сделать теми дискурсивными приемами, которыми пользуется сама научная сфера. Таким образом, наука вынуждена представлять свое существование как эпический рассказ, она должна постоянно трубить о своем достоинстве. Легитимация научного знания изначально происходит в чуждой ей среде, которая задействует все типы языковых игр. Эти две среды никак не соприкасаются друг с другом, поэтому наука может иметь схожие принципы функционирования, но принципы её легитимации претерпевают исторические изменения в силу постоянных перемен самой нарративной сферы жизни. Они настолько противоположны, что любая попытка представить одно через другое будет увенчиваться крахом. Нарратив рассматривает науку как частный случай себя, и не способен вникнуть в проблематику научного дискурсивного пространства. В свою очередь научный дискурс задается вопросом об основаниях нарратива и склонен относить его к «другой ментальности: дикой, примитивной, недоразвитой, отсталой, отчужденной, основанной на мнении,

---

¹Там же. С.75

²Там же. С.65

обычаях, авторитете, предубеждениях, незнании, идеологии»¹. В этой ситуации Ж.Ф. Лиотар стремится не занимать какой-либо позиции и до конца остается неподвизтым. Рассмотрим типы легитимации научного знания по Ж.Ф. Лиотару.

С точки зрения Лиотара, на определенных исторических этапах были актуальны разные стратегии. Раньше, во времена философии и метафизики, было две стратегии легитимации. Легитимация через метасубъект и легитимация через освобождение человека. Такие названия этих легитимирующих стратегий выбраны весьма условно. У самого Ж.Ф. Лиотара центральным элементом является человек, который выступает либо как герой познания (легитимация через метасубъект), либо как герой свободы (освобождение человека). В дальнейшем мы будем использовать вышеуказанные понятия для обозначения легитимирующих стратегий. Под легитимацией через метасубъект понимается какой-то глобальный план, который движется к своему завершению. Будь-то разум у Фихте, который в своей философии выделял пять исторических эпох, где, в конце концов, разум приходит в свою изначальную точку отсчета², или будь-то движение к абсолютному духу у Гегеля, где в конечном итоге снимается парадокс как таковой³. Идея в том, что наука способствует этому движению или является его выражением, и так как у науки такая великая функция, то она легитимна. Не думайте, что для того, чтобы работал такой тип легитимации обязательно должен существовать какой-то конкретный сверхсубъект, который отвечает за движение истории. С точки зрения Ж.Ф.Лиотара, философия Маркса точно так же является легитимацией первого типа.

Второй тип легитимации очень похож на первый, но тут субъектом истории выступает не нечто трансцендентное, а сам человек. Теперь человек является центром легитимирующего нарратива и он – тот, кого нужно освободить. В таком рассказе наука легитимна потому, что она освобождает человека. Но от кого? Все зависит от фантазии. Классическим примером такого поворота события является франкфуртская школа, которая, с точки зрения Ж.Ф. Лиотара, взяла марксизм, но изменила исконную легитимирующую стратегию с первого типа на второй.

При более глубоком рассмотрении легитимирующих теорий, оказывается, что весьма непросто провести границу между первым и вторым типом легитимации. Гегеля тоже можно отнести к критической теории, где свобода является ключевым элементом его философии. Такая же ситуация и с Фихте, где в пятой эпохе, после того как разум придет в

¹Там же. С.70

²Фихте И. Г. Основные черты современной эпохи. – Изд. ДЕ Жуковского, 1906

³Маркузе Г. Разум и революция //СПб.: Владимир Даль. – 2000. – Т. 542.

свою исходную точку, все будут так же максимально свободными. Нам кажется, это сложный вопрос, что в данных теориях первично, человек или дух/разум, познание или стремление к свободе? Поэтому эти две стратегии легитимации скорее являются некими условными точками. Так или иначе, все эти метанарративы зиждутся на интуиции о линейном и устремленном времени.

Существует еще один тип легитимации, который, в отличие от метанарративов - не линейен. Когда большие легитимирующие метанарративы перестают существовать, на арену выходят множественные аксиоматические системы, которые могут предоставить аргументацию, но их аксиоматическое основание не легитимируется метаязыком. Лиотар вводит новый принцип легитимации – легитимация через результативность.

Уже Р. Бойль устраивает показы опытов на публике, чтобы продемонстрировать науку в деле. Убедительным является то, что наглядно, ведь так или иначе убедительность упирается в наше зрение, чувства, слух и т.д. Любая технология, в свою очередь, является расширением человека¹, Лиотар говорит о технологии как о протезе. Технология предполагает продуктивность. Продуктивность означает оптимизацию затрат на «входе» и получение максимального выхлопа на «выходе». Попадая в науку, технологии, в конечном итоге, используются для оптимизации убедительности. Мы увеличиваем убедительность, заменяя наши чувства на чувства машин, которые совершеннее наших. Оказывается, что для проверки гипотез нужны дорогостоящие машины, в формулу производства науки попадает финансирование. Физики шутят, что количество элементарных частиц во вселенной пропорционально количеству финансирования. Теперь для генерирования истины (убедительных высказываний) нужны деньги и эффективность. В свою очередь машины не только оптимизируют убедительность, но и создают деньги, что стало очевидно благодаря индустриальным революциям. Оптимизируя все и вся, машины способны оптимизировать капиталы. Таким образом, ученые оптимизируют машины, машины оптимизируют капиталы, часть из которых идёт ученым для оптимизации машин. По Лиотару в этот момент наука становится производительной силой, то есть встраивается во всеобщую циркуляцию капитала. Наука сама становится машиной по его оптимизации. Финансирование фундаментальных исследований есть определенная игра в лотерею и игра на дальние дистанции, ведь в любой момент может быть открыта какая-то сверх рентабельная инновация.

Помимо этого, Лиотар демонстрирует чисто формальные качества эффективности. Например, университеты поставляют компетентных лиц в определенных количествах на

¹Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека //Канон-пресс-Ц», «Кучково поле. – 2003

важные посты, тем самым, осуществляя вклад в общую результативность. Этим же они демонстрируют свою результативность. Такое тяготение этого типа легитимации к формальным принципам неизбежно.

Таким образом, все происходит по Б. Гройсу,- он описывает это в книге «Коммунистический постскрипtum»¹ или в статье «Капитал. Искусство. Справедливость»². Когда общество больше не стремится к достижению «благородной» цели освобождения человека, оно «скатывается» в превращение всего и вся в экономически выгодную или невыгодную вещь, в том числе и науку. При этом, сама экономика является некой животворящей силой, а та сфера, куда она не направляет своё внимание, просто умирает. Переход от метанарратива к его отсутствию можно описать в гройсовских терминах перехода общества с дискурсивного медиума на денежный³.

Помимо этого, Лиотар предлагает новый проект легитимации науки, который нельзя назвать легитимацией в упомянутом смысле. Лиотар предсказывает соединение научной и нарративной сферой. В науку будет включаться «другой» на этапе постановке проблемы. Благодаря этому, наука будет постоянно искать нестабильность в своих основаниях, пересматривать парадигму, бесконечно порождая новое знание, которое невозможно исчерпать. Классическая парадигма может быть исчерпана, но такой способ будет не просто переменной способа легитимации (перед кем себя легитимировать?), но вообще радикальной трансформацией самого образа существования познания как такового⁴.

---

¹Гройс Б. Коммунистический постскрипtum. – Ad Marginem, 2007.

²Гройс Б. Политика поэтики//Капитал.Искусство.Справедливость. – Ad Marginem, 2013

³ Стоит помнить, однако, что в теории Гройса медиум денег обладает принципиально другой, не-дискурсивной онтологией, в то время как у Лиотара все вращается вокруг языка.

⁴ Можно обнаружить классический когнитивный ход в мышлении Лиотара, который можно назвать «историческое снятие парадокса». У Лиотара было две сферы, которые находятся в определенном конфликте. В какой-то момент времени такая фундаментальная конструкция «вынуждена» слиться воедино.

2.6.1. Методология анализа легитимирующих высказываний

Обратим наше внимание на типы легитимации еще раз. Мы не будем утверждать, что в разные эпохи работали те или иные принципы легитимации, хотя Лиотар выносит такие суждения и говорит о постмодерне как крушении метанарративов. Можно даже просто не касаться исторических форм легитимации, но сказать, что в современной ситуации все эти типы легитимации могут «пойти в ход». Ж.Ф. Лиотар использует концепт языковых игр, наделяя языковой ход (подобно ходу в игре) ролью единицы социального действия. Эти языковые игры выстраиваются по агонистическому (борьба, противостояние) принципу. На уровне реального обсуждения легитимности науки вопрос всегда ставится так, что наука должна обороняться. Научная апологетика есть всегда определенные ответы на выпады в её сторону, и, с нашей точки зрения, классификация предложенная Лиотаром может быть продуктивной (результативной) в качестве классификации дискурсивных актов в защиту науки. В такой перспективе мы имеем не характеристику того или иного положения дел в истории, но реальный инструментарий, который можно применить в дискурс-анализе. Таким образом, на данный момент можно выделить три дискурсивных апологетических акта:

1) Улучшение человеческой жизни. Это есть современный вариант легитимации через освобождение человека. Как бы иронично это не казалось, но свобода в современном понимании, очень часто является не более чем комфортным сосуществованием и встраивается в дискурс удобства. Свобода, можно сказать, удваивается. Она может существовать как дискурс удобства, либо как великая цель (может быть удобство для всех и вся?). Так или иначе, нас не интересует, что понимается под свободой, когда о ней говорят как о великой цели. Значение имеет то, что существует определенные способы говорить о свободе как о цели и о чем-то великом.

2) Способствование прогрессу. Такая легитимация есть вариант легитимации через метасубъект, так как в секулярном мире мало кто всерьез будет говорить о движении мирового духа к истине, как непротиворечивому положению дел. В таком дискурсе прогресс может пониматься как само собой разумеющееся благо, либо как средство для чего-то другого.

3) Эффективность. Ракеты летят в космос, информация всего мира лежит в моём кармане, разве это не наглядно? Эффективность может быть понята как самоцель (подобно описанию Лиотара), либо как средство.

Так или иначе, все эти типы дискурсивных актов очень легко деконструировать. Помимо этого, каждый такой акт обладает двумя измерениями: *измерением цели* и *измерением средства*. Измерение цели есть некая *финальная* дискурсивная точка, дальше которой уже нельзя пойти, измерение средства предполагает, что данный легитимирующий акт является *промежуточным* звеном. Так или иначе, какой-то из этих актов в апологетической речи, в конечном итоге, должен принять измерение цели: 1) все существует ради свободы, 2) все существует ради «рая на земле», 3) все существует ради эффективности. В то же самое время измерение цели предполагает наличие у первого и второго типа актов определённой точки, к которой все движется, в то время как третья существует в «сейчас» и действует как чистое устремление.

Стоит заметить, что этот инструментарий предназначен для внесения различий в легитимирующую дискурсию в условиях отсутствия веры в реальное познание истины. Таким образом, к нашим трем типам легитимирующих приемов добавляется четвертый – легитимация через познание истины.

4) Легитимация через апелляцию к познанию истины может иметь три различных варианта, два из которых будут иметь измерение цели, а одно – измерение средства.

Познавать истину «хорошо» так как:

- Это необходимо само по себе как цель. «Мистическая научная практика», пребывание в познании в сейчас.

- Познание приведет к финальной точке, где будет известна полная истина. Вариант метанарратива о движении к «раю на земле» (легитимация через метасубъект).

- Это хорошо, так как истина является средством для 1,2,3.

Предложенный нами инструментарий позволяет проводить продуктивный дискурс-анализ в исследованиях конкретных дискурсов легитимации науки подобно методу риторической деконструкции. Эту методологию можно применить в направлении «дискурсивная психология». Теперь мы можем:

- отделить различные типы конкретных легитимирующих высказываний/приемов.

- обнаружить фундирующий метанарратив, используя предложенное различие на «измерение цели» и «измерение средства» в легитимирующей дискурсии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе рассмотрение современных теорий дискурса в социологии разделено на два этапа, которые выражаются в поставленных целях. Первая глава была посвящена формулированию основных факторов возникновения теорий дискурса в социологии. Во второй главе мы рассмотрели основные теории дискурса в социологии и принципы их классификации.

Для формулирования факторов возникновения теорий дискурса в социологии мы обратились к работе Д. Лакоффа «Женщины огонь и опасные вещи», в которой он формулирует принципы новой *экспериенциалистской* парадигмы, а также описывает её отличия от *объективистской*¹. В контексте данной работы мы обратили внимание на деконструкцию концепта истины в эпистемологии, что позволило унифицировать дискурсивную сферу, лишив отдельные дискурсы какого-либо превосходства. Помимо этого, мы обратили внимание на смену антропологической модели. Социальный субъект становится децентрированным и полностью включенным в сферу «случайного» общества. Иными словами, способы организации социального взаимодействия становятся непредсказуемыми спекулятивно, в связи с чем, социологические теории, разделяющие данную интуицию, концентрируются на определенном социальном *положении дел*, в противоположность социологии как науке о *законах* социального поведения. В основном, современные теории дискурса полностью разделяют как дефляционный подход к истине, так и децентрированную модель социального субъекта, полностью соответствуя экспериенциалистской парадигме. Таким образом, в данной работе мы выделяем два фактора возникновения теорий дискурса в социологии:

- 1) Деконструкция истины в эпистемологии.
- 2) Смена антропологической модели социального субъекта с классической на целостную.²

В продолжение темы, нам следовало бы рассмотреть все существующие современные теории дискурса в социологии, однако такая задача является в принципе достаточно обширной. В любом сборнике под редакцией серьезного исследователя, например, Я. Торфинга или Т. Ван Дейка, мы обнаружим несметное количество фамилий,

---

¹Лакофф, конечно же, не единственный исследователь который об этом писал. В литературе можно обнаружить такие понятия как уход «репрезентативистской» парадигмы, или появление «дефляционных» теорий истины. (см. Данилов В.Н., Крипке С.А. и др).

²Следует отметить, что речь идет лишь о представлениях о *социальном* субъекте. Современные когнитивные исследователи (Э.Рош, Кей и др.) показывают на эмпирическом материале, что человек обладает врожденными формами упорядочивания окружающего мира.

которые невозможно описать в рамках одной работы. Таким образом, нашей теоретической стратегией становится формулирование базовых представлений о дискурсе, которые будут способны внести порядок в бесконечное теоретическое многообразие таким образом, что любая теория сможет найти свое место в этом порядке. Исходя из фундаментальных принципов понимания социальной реальности, различные исследователи дискурса создают понятия дискурса, которые можно классифицировать весьма простым способом. На основе классификаций предложенных другими исследователями, мы предлагаем и свою:

1) Дискурс – порядок слов. Такой подход является сугубо лингвистическим и входит в корпус социальной теории только с добавлением, представленным ниже.

2) Дискурс – текст в социальном контексте. Такое понимание дискурса является наиболее распространенным и в наибольшей степени верным, если вы не придерживаетесь исключительно постструктуралистских представлений об устройстве социальной реальности. Такое понятие характерно для критического дискурс-анализа (КДА).

3) Дискурс – любая семиотическая система. Такой подход является постструктуралистским и принимается только теми, кто разделяет постструктуралистские теоретические построения. Мышление, речь, визуальные образы - все есть дискурс. Многие исследователи отмечают, что сложно найти какое-то методологическое отличие между постструктурализмом и КДА.

Представленная выше схема вмещает любую теорию дискурса в социологии. Невозможно найти такой социологической теории дискурса, которая не попадала бы под одно из этих определений. В подобного рода классификациях тяжело быть оригинальным, что можно заметить, обратившись к мировым фигурам, которые, буквально дублируют друг друга, подчеркивая одни или другие аспекты в своих текстах^{1,2,3}.

Таким образом, поставленные нами цели были успешно выполнены, так как мы провели обзор не только самих теорий дискурса, рассмотрев все возможные теоретические варианты вместе с описанием важных современных теорий, но и предоставили анализ оснований возникновения теорий дискурса в современной социологии.

Интенсивное развитие интереса к анализу дискурса не исключает появление новой кросс-дисциплины, которая специализируется на изучении разнообразных форм и

¹Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ //Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004

²Torfiing J. Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. – Palgrave Macmillan UK, 2005. – С. 1-32.).

³Van Dijk T. A. Handbook of discourse analysis //Discourse and dialogue. – 1985.

видов дискурса. «Предметную область дискурсологии», - пишет О.Ф. Русакова и А.Е. Спасский: «Должны составить, во-первых, вопросы общего порядка, рассматривающие природу, структуру и функции дискурса как феномена общественной жизни....Во-вторых, в поле исследования будущей дисциплины попадают конкретные группы дискурсов... В-третьих, в состав дискурсологии, с нашей точки зрения, должны войти прикладные исследования и социальные технологии, которые можно обозначить понятием «дискурсивное искусство»¹.

С нашей точки зрения, в данный момент, наиболее перспективным вариантом развития дискурсологии является формирование междисциплинарного подхода к анализу дискурса, который реализуется в критическом дискурс-анализе. Этот междисциплинарный подход, как было описано выше, должен включать в себя не только представление о том, что дискурс является неким соединением различных измерений, но и то, каким образом нам необходимо эти измерения собирать в единую картину. На данный момент критический дискурс-анализ не может предоставить ясные ходы, которые открывали бы нам загадочную операцию по сборке различных измерений в одно. Также дискурсологии необходимо ответить на вопрос, почему она должна отсоединиться от социологии, тогда как предметом её исследования является определённое положение дел в социокультурном мире? Таким образом, дискурсология сталкивается с теоретико-методологической проблемой, а также с проблемой легитимации.

---

¹Русакова О. Ф., Спасский А. Е. Дискурсология как новая дисциплина. Предисловие //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия " Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом " Дискурс-Пи. – 2006.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. *Барт Р.* Разделение языков //Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика/Р. Барт. – 1989.
2. *Барт Р.* Риторика образа //Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика.–М.: Прогресс. – 1989. – С. 297-318.
3. *Барт Р.* Семиологическое приключение//Ролан Барт о Ролане Барте //Москва. – 2002.
4. *Барт Р.* Система моды //Статьи по семиотике культуры. Перевод с фр. СН Зенкина. М.: Изд-во им. Са-башниковых. – 2003. – Т. 512.
5. *Барт Р.* *Camera lucida.* Комментарий к фотографии //М.: Ad marginem. – 1997. – Т. 224.
6. *Барт Р.* S/Z. Бальзаковский текст (опыт прочтения) //М.: УРСС. – 2001. – Т. 232.
7. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности //М.: Медиум. – 1995. – Т. 199
8. *Богомягкова Е. С.* Особенности строгого конструкционизма: социальные проблемы как языковая игра //Печатается по решению. – С. 182.
9. *Васильев В. В.* Трудная проблема сознания //М.: Прогресс-Традиция. – 2009. – Т. 272.
10. *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат// Философские работы. – 1994. – №2
11. *Витгенштейн Л.* О достоверности //Философские работы. – 1994. – №. 2
12. *Витгенштейн Л.* Философские исследования //Философские работы. – 1994. – №. 2
13. *Волошинов В. Н.* Марксизм и философия языка. – Лабиринт, 1993. – Т. 3.
14. *Волошинов В. Н., Васильев Н. Л., Юнов Д. А.* Философия и социология гуманитарных наук. – Изд-во АСТА-ПРЕСС, 1995.
15. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии //СПб.: Питер. – 2007. – Т. 32. – С. 335.
16. *Глазерсфельд Э.* Введение в радикальный конструктивизм //Вестник Московского университета. Серия. – 2001. – Т. 7. – С. 59-81.
17. *Гребер Д.* Долг: первые 5000 лет истории. – Ad marginem, 2014
18. *Греймас А. Ж., Курте Ж.* Семиотика. Объяснительный словарь теории языка //Семиотика. М. – 1983. – С. 483-550
19. *Гройс Б.* Коммунистический постскрипtum. – Ad Marginem, 2007.
20. *Гройс Б.* Политика поэтики//Капитал.Искусство.Справедливость. – Ad Marginem, 2013
21. *Гуссерль Э.* Кризис европейского человечества и философия //Вопросы философии. – 1986. – Т. 6.
22. *Декарт Р.* Размышления о первоначальной философии. – Абрис-Книга, 1995.
23. *Деррида Ж.* О грамματοлогии //Москва. – 2000.
24. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. – 1993.
25. *Дьякова Е.Г.* Теория дискурса в британской школе культурных исследований //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом " Дискурс-Пи. – 2006.
26. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение //Вопросы статистики. – 2015.
27. *Кант И.* Критика чистого разума/Иммануил Кант;[перевод Н. Лосского. Сверен и отредактирован Ц. Арзаканяном и М. Иткиным. Примечания Ц. Арзаканяна] //М.: Мысль. – 1994.

28. *Крипке С. А.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке //М.: Канон. – 2010.
29. *Лакофф Д.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. – Litres, 2014.
30. *Лакофф Д., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем //Теория метафоры. М. – 1990.
31. *Латур Б.* Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии //СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. – 2006.
32. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию //Durkheimian Studies/Etudes Durkheimiennes. – 2013. – Т. 19. – №. 1. – С. 101-124.).
33. *Леви-Строс К.* Структурная антропология. – DirectMEDIA, 1983.
34. *Линч М.* Развивая Витгенштейна: решающий шаг от эпистемологии к социологии науки //Социология власти. – 2013. – №. 1-2. – С. 155-213.
35. *Лиотар Ж. Ф.* Ответ на вопрос: что такое постмодерн? //Ad marginem. – 1994. – Т. 93.
36. *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна. – 1998.
37. *Ло Д.* После метода: беспорядок и социальная наука/пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева, П. Хановой; науч. ред //С. Гавриленко. М. – 2015.
38. *Локк Д.* Опыт о человеческом разумении. – DirectMEDIA, 1985
39. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга //update. – 2003. – Т. 3. – С. 05.
40. *Маклюэн М.* Понимание медиа: внешние расширения человека //Канон-пресс-Ц», «Кучково поле. – 2003
41. *Марков Б. В.* Знаки бытия. – 2001.
42. *Марков Б. В.* Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации. – 2011.
43. *Маркузе Г.* Разум и революция //СПб.: Владимир Даль. – 2000. – Т. 542.
44. *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. – 1999.
45. *Пропт В.* Морфология "волшебной" сказки. – Лабиринт-К, 2007.
46. *Роулинг Д. К.* Гарри Поттер и философский камень //Роман/Пер. с англ. МД Литвиновой. М., Росмэн. – 2001.
47. *Русакова О. Ф.* Современные теории дискурса: опыт классификаций //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом "Дискурс-Пи. – 2006.
48. *Русакова О. Ф., Спасский А. Е.* Дискурсология как новая дисциплина. Предисловие //Современные теории дискурса: мультидисциплинарный анализ (Серия "Дискурсология")–Екатеринбург: Издательский Дом "Дискурс-Пи. – 2006.
49. *Филлипс Л., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ //Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр. – 2004.
50. *Фихте И. Г.* Основные черты современной эпохи. – Изд. ДЕ Жуковского, 1906.
51. *Фуко М.* Археология знания. – Ника-Центр, 1996.
52. *Фуко М.* Порядок дискурса //Фуко М. – 1996. – С. 52-65.
53. *Фуко М.* Слова и вещи //Археология гуманитарных наук. СПб. – 1994. – Т. 340.)
54. *Хомский Н.* Избранное //Язык и мозг. - Энциклопедия.ру 2015
55. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли //М.: КомКнига. – 2005.
56. *Хоружий С. С.* Диптих безмолвия. – Центр психологии и психотерапии, 1991.
57. *Хоружий С. С.* Фонарь Диогена. Критическая ретроспектива европейской антропологии //Sotsiologicheskie Issledovaniya. – 2015.

58. *Appadurai A.* Modernity at large: cultural aspects of globalization //Minneapolis, MN. – 1997.
59. *Austin J. L.* How to talk. Some simple ways //Proceedings of the Aristotelian Society. – Aristotelian Society, Wiley, 1952. – T. 53. – C. 227-246
60. *Broad C. D.* The mind and its place in nature. – Routledge, 2014
61. *Casanova J.* Cosmopolitanism, the clash of civilizations and multiple modernities //Current Sociology. – 2011. – T. 59. – №. 2. – C. 252-267.
62. *Chomsky N.* Reflections on Language. N. Y., 1975. 123.
63. *Dennett D. C.* Consciousness explained. – Penguin UK, 1993
64. *Downes W.* (1984), Language and Society. London: Fontana
65. *Fodor J.* The Mind Doesn't Work That Way: The Scope and Limits of Computational Psychology. Cambridge MA, 2001 (2000). 55–78
66. *Gettier E. L.* Is justified true belief knowledge? //analysis. – 1963. – T. 23. – №. 6. – C. 121-123
67. *Hall S.* Encoding/Decoding // Media and Cultural Studies. Key Works. L., Blackwell Publishers. 2001.
68. *Hall S.* Signification, representation, ideology: Althusser and the post-structuralist debates //Critical Studies in Media Communication. – 1985. – T. 2. – №. 2. – C. 91-114.
69. *Hartley J.* Understanding New. L.: Routledge, 1995. P. 62.
70. *Howarth D., Torfing J. (ed.).* Discourse theory in European politics: identity, policy and governance. – Springer, 2016
71. *Latour B.* An inquiry into modes of existence. – Harvard University Press, 2013
72. *Latour B.* Pandora's hope. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – T. 281.
73. *Latour B.* Why has critique run out of steam? From matters of fact to matters of concern //Critical inquiry. – 2004. – T. 30. – №. 2. – C. 225-248
74. *Pinker S.* How the mind works //Annals of the New York Academy of Sciences. – 1999. – T. 882. – №. 1
75. *Prinz J. J.* Beyond human nature: How culture and experience shape the human mind. – WW Norton & Company, 2014.
76. *Searle J. R.* Intentionality: An essay in the philosophy of mind. – Cambridge University Press, 1983
77. *Searle J. R.* Mind, language and society: Philosophy in the real world. – New York : Basic books, 1998. – C. 144
78. *Searle J. R.* Minds, brains, and programs //Behavioral and brain sciences. – 1980. – T. 3. – №. 03. – C. 417-424
79. *Torfing J.* Discourse theory: Achievements, arguments, and challenges. – Palgrave Macmillan UK, 2005
80. *Torfing J.* New theories of discourse Laclau, Mouffe and Zizek. – 1999.
81. *Van Dijk T. A.* (ed.). Discourse as structure and process. – Sage, 1997. – T. 1.
82. *Van Dijk T. A.* Handbook of discourse analysis //Discourse and dialogue. – 1985.
83. *Van Dijk T. A.* Introduction: Discourse analysis as a new cross-discipline. – 1985.